

Кровавая плаха

Автор:

Валентин Лавров

Кровавая плаха

Валентин Викторович Лавров

Одна из первых книг в русской литературе, написанная в жанре исторического детектива. Это рассказы о знаменитых преступниках и преступлениях прошлого: о Соньке Золотой Ручке, о дерзком похищении серебряного сервиза – подарка Николая I – у французского посла герцога Монтебелло, о приключениях легенд российского сыска Ивана Путилина, Аркадия Кошко и других.

Валентин Викторович Лавров

Кровавая плаха

© В.В. Лавров, 2020

© «Центрполиграф», 2020

Ошибка Соньки Золотой Ручки

Уже более столетия ее имя пользуется скандальной известностью, но сведения о жизни и преступлениях этой красавицы весьма противоречивы. По имеющимся у нас документам, Сонька, тогда еще Шейва Соломониак, родилась в 1846 году.

Долгие годы числилась «варшавской мещанкой». Обладала исключительными способностями: с семи лет свободно читала по-русски и по-немецки, в уме решала сложные математические задачи. Пробежав страницу книжного текста, могла воспроизвести ее на память.

Мимолетной встречи ей хватало, чтобы навсегда запомнить человека – особенности его речи, одежды, имя. Привлекательная внешность, богатые платья и украшения, умение с каждым найти верный тон помогали завоевывать доверие даже случайных знакомых. Но словно в насмешку природе, наградившей Соньку этими достоинствами, она обратила их во зло людям.

Знакомства случайные...

Сонька любила железную дорогу. Та помогала ей стремительно уноситься с того места, где в данный момент ей менее всего хотелось быть. Кроме того, путешествие по «железке» представляло замечательную возможность для случайных и быстролетных знакомств, суливших немало заманчивого.

На этот раз Соньке никак нельзя было оставаться в Петербурге. И причин тому было две.

Впрочем, поведаем все по порядку. В минувший четверг Сонька прикатила в Северную столицу из Вены, в которой она облапошила, к слову говоря, какого-то местного инженера на одиннадцать тысяч марок. В Петербург она прибыла с двумя «соратниками» и бывшими официальными мужьями – румынскими подданными Хуней Гольдштейном и Михелем Блювштейном.

Сонька, неукоснительно соблюдавшая конспирацию, разогнала «соратников» по разным углам. Хуня остановился в номерах Баранова, что в Чернышевском переулке, а Михель в «Англетере» на Малой Морской, 1. Сама Сонька заняла люкс в «Пассаже» (Невский, 51).

– Будем отдыхать и наслаждаться красотами жизни, – обещала Сонька. – Вот вам, аристократы, на любовь и вино. – Своими изящными пальчиками, украшенными дорогими бриллиантами, она отмусолила им по полтысячи рублей. – Понадобитесь, я найду вас. Зай гезунд!

* * *

Увы, с отдыхом у наших тружеников ничего не получилось. Уже на другой день, прогуливаясь по Невскому проспекту, Сонька почти случайно познакомилась с высоким седовласым господином, одетым со старомодной чопорностью. Разговорились.

– Бывший директор мужской Саратовской гимназии Динкевич Михаил Осипович, – представился седовласый. – Двадцать пять лет беспорочной службы, а вот теперь, – в его голосе зазвучали нотки обиды, – вывели на пенсию.

Сонька внимательно и ласково глядела своими бархатными глазами на Динкевича, словно ободряя его к рассказу. И он продолжил:

– В Саратове я жил с дочерью, зятем и тремя внуками. Но я никогда не забывал своей родины – Москвы. Я родился и до женитьбы жил на Остоженке...

– «Город чудный, город древний! Ты вместил в свои концы и посады, и дворцы!» – белозубо улыбнулась Сонька. Это стихотворение она учила в десятилетнем возрасте. Память не подвела!

– Прекрасные строки Федора Глинки! – обрадовался Динкевич. – А вы, сударыня, тоже москвичка?

– Позвольте представиться: графиня Софья Ивановна Тимрот, урожденная Бебутова. У нас родовое гнездо в Москве.

– Ах, фамилии громкие! А я продал свой домик в Саратове и решил со всей семьей обосноваться в Белокаменной. Всех денег, считая нажитые, двадцать пять тысяч. Дворец, конечно, не купишь, но...

– Без всяких но! – внушительно заявила Сонька. – На эти деньги нынче в Москве можно купить отличный дом с парком. – Она задумчиво положила руку на кисть собеседника и проникновенно сказала: – Считайте, вам повезло. Мой муж – гофмейстер двора его императорского величества. Так вот, Григорий Петрович только что получил назначение послом России в Париж. И мы уже решили продать свой московский дом...

– Ой, мне вряд ли это по средствам, – смущенно забормотал Динкевич.

– А мы за деньгами не гонимся. – Сонька гордо вскинула голову. – Нам важно родовое гнездо передать в хорошие руки. Думаю, ваших денег вполне хватит. Отдадим со всей обстановкой.

– А где дом? – загорелся Динкевич.

Сонька, лихорадочно соображая, кокетливо улыбнулась:

– Приедем в Москву – и я вам покажу. А пока извольте иметь от вас эту крошечную тайну.

– Конечно, так даже интересней, интрига!.. Когда, графиня, прикажете смотреть владения?

– Мне назначена аудиенция у государыни императрицы! – тоном, полным спокойного достоинства, произнесла Сонька. – Освобожусь через пять дней. В старой столице буду семнадцатого августа.

– Как это кстати! – потер ладони Динкевич. – Я рассчитываю посетить свою тетушку. Она живет в Клину, как раз по пути.

Сонька влезла в ридикюль, вынула небольшой железнодорожный справочник, нашла нужное:

– Я поеду пятым скорым поездом, разумеется, первым классом. Куплю отдельное двухместное купе. В Клину поезд будет в восемь часов двадцать минут утра. Проводнику скажете, что идете ко мне. Дальнейший путь мы сделаем вместе. Согласны?

– Графиня, позвольте поцеловать ваши ручки! Как я вам обязан! У вас истинно ангельская душа, вполне согласная с вашей прекрасной внешностью! Деньги у дочери, сегодня же дам телеграмму, пусть срочно с мужем и детьми выезжают в Москву. Чтобы успели прибыть к семнадцатому.

* * *

Уже через час Сонька совещалась со своими «соратниками». Был выработан план действий. Хуня и Михель с первым же поездом отбыли в Москву. Динкевич дал телеграмму дочери, а сам направился к тетушке в Клин. Сонька осталась в Питере наслаждаться красотами жизни.

Влюбленный чиновник

Шестнадцатого августа, незадолго до отхода поезда, Сонька зашла в ресторан. Там к ней пристал какой-то дядя в форме акцизного чиновника. Он был несколько выпивши и по этой причине находился в куражном настроении: хвалился своим богатством, доставал портмоне, набитое крупными ассигнациями. «Озолочу, неземная красота! – страстно шептал чиновник. – Сделаю подарок!» Деньги эти были казенными, а обещания ложными.

Сонька решила случая не упускать. Она томно посмотрела на страстного чиновника:

– С таким щедрым человеком интересно выпить шампанское в номере. Приходите минут через десять ко мне в люкс, это на втором этаже, справа от лестницы. Только, умоляю, сохраните мою честь: пройдите незаметно! Чтоб ни одна душа вас не видела.

– Не сомневайтесь! – захлебнулся от волнения чиновник.

Сонька взглянула на брегет: до отхода поезда оставалось чуть более часа. «Тем лучше!» – решила она. Первой поднялась к себе, приготовила бокалы. Гость явился чуть смущенный, но переполненный радостью. Выпили шампанского. Сонька чуть прежде словчилась насыпать в бокал гостя снотворного порошка. Чиновник полез было обниматься, как сон его сморил. Сонька опустошила портмоне и затем спустилась к портье, оплатила номер еще за сутки. После этого села на извозчика и за три минуты до отхода поезда вошла в вагон.

Теперь ее занимали две мысли: успеет ли чиновник очухаться прежде, чем она прибудет в Москву? Если он все же заявит в полицию, то ее могут арестовать прямо в поезде. Какому-то дураку пришло в голову изобрести телеграф!

И второе: сядет ли на поезд Динкевич? А если сядет, то хорошо ли справились со своей задачей Хуня, Михель и те, кого они завербуют для этого дела в Москве?

...Поезд начал притормаживать. Приближались к Клину, с которым у нашей дамы были связаны воспоминания бурной юности.

Первая учительница

Много лет назад Сонька начинала свою карьеру скромно – она была воровкой «на доверии» в вагонах третьего класса. Народ кругом простой, пожива невелика: бабы с плачущими детишками, мужики с мешками. Среди этой серой массы однажды Сонька разглядела молодого красивого юнкера.

Фуражка с кокардой, ментики, пуговицы золотом блестят, а у сапог новенький фибровый чемодан стоит. Естественно, что у Соньки возник к этому юнкеру и чемодану большой интерес. Подошла она к юнкеру, вежливо поклонилась:

– Господин полковник, здесь место не занято? Я не помешаю?

Зарделся юнкер:

– Милости прошу! Позвольте вашу поклажу на крючок повешу. Только должен сказать, что я еще не полковник и вряд ли им теперь буду. Кстати, позвольте представиться: Михаил Аркадьевич Горажанский.

Сели рядышком, разговорились. Юнкеру явно понравилась девушка. Говорит он с ней просто и откровенно:

– Еду я из Санкт-Петербурга в Москву по служебному делу – поступать в Иркутский пехотный полк. Но... давно мечтаю стать артистом. Друг нашей семьи – сам Островский. Так вот, Александр Николаевич говорит: «Миша, у тебя большие задатки, поступай на сцену!»

Сонька захлопала в ладошки:

– Как это благородно – представлять на театре. Играть Шекспира!

Поговорили так, поговорили, да вдруг Сонька к делу приступила. Заявляет:

– Михаил Аркадьевич, мне необходимо по деликатному делу отлучиться. Не затруднит вас за моей поклажей посмотреть?

– Буду как верный часовой охранять! – улыбнулся юнкер.

Спустя минут пять Сонька вернулась и говорит:

– Поезд к Клину подходит, тормозит. Страсть как кваса хочется, да боюсь от поезда отстать – он всего семь минут стоит.

– Какие разговоры! Квас принесу. Только уж теперь вы за моим чемоданом присмотрите! – крикнул юнкер и поспешил в буфет.

Сонька для отвода глаз оставила свою поклажу висеть – там какие-то тряпки были, а сама подхватила чемодан юнкера и полным ходом – в другие двери.

* * *

Поймали Соньку недалеко от станции. Отвели в участок. Стали допрашивать. По документам она значится Симой Рубинштейн. Кричит, ногами топает:

– По какому праву вы меня задерживаете? Зачем мне этот паршивый чемодан нужен? В нем, кроме мундира и пары рубаш, нет ничего. Я его взяла по ошибке вместо своего. Требую: верните мой чемодан!

Юнкер, по милости Соньки отставший от поезда, поверил этим словам. Просит полицейских:

– По ошибке девушка взяла мои вещи! Такие глаза не могут лгать.

Сонька дала подписку о невыезде из Клина, но с первым же поездом сбежала в Москву.

Что касается юнкера, то он последовал совету великого драматурга и в тот же 1866 год поступил в Малый театр, играл под псевдонимом Решимов и считался одним из ведущих актеров. Его манера игры определила особенности нового амплуа – фатов. Имя Горажанского-Решимова украшает Театральную энциклопедию.

* * *

До ушей Соньки дошла слава Решимова. Она посетила Малый театр, смотрела спектакль «На всякого мудреца довольно простоты». Решимов исполнял свою коронную роль – Глумова. Сонька написала записку: «Великому актеру от его первой учительницы», вложила в громадный букет роз и вместе с золотыми карманными часами вручила бывшему юнкеру. Розы она купила, а часы в антракте сперла у какого-то генерала.

Но и Соньку эта история кое-чему научила: с поличным она уже никогда не попадалась.

Дом с мезонином

Итак, юная аферистка вспрыгнула на ближайший поезд, бежала из Клина. У Соньки тряслись поджилки, каждый раз при звуке шагов в коридоре вагона у нее сжималось сердце: «Не за мной ли?» Но все на этот раз обошлось благополучно.

Динкевич вошел в Сонькино купе с букетом цветов:

– Прислала тетушка, со своей клумбы! Она молит за вас Бога, графиня Софья Ивановна!

На площади Николаевского вокзала в Москве десятки извозчиков предлагали свои услуги:

– Уважьте лошадок, барыня! За двугривенный с ветерком на край света домчим! Не конь – черт в упряжке! На ходу, право слово, искру из булыжников кажинный раз высекает. Садись, испытай себе в удовольствие!

– Гись, бестолковые! – раздался грозный посвист. – Милости прошу, графиня! – К барыне подлетела дорогой работы изящная лакированная коляска, запряженная парой сильных каурых жеребцов. На дверцах золотые вензеля «СТ», то бишь «Софья Тимрот». Провинциальный педагог даже несколько заработал.

Кучер в белой шляпе с высокой, раструбом, тульей соскочил с козел, откинул ступеньки и помог барыне взойти внутрь. Это был давно разыскиваемый за воровство и мошенничество румынский подданный Хуня Гольдштейн. Лошадей он взял под залог в прокатной конторе.

Помог он подняться в коляску и Динкевичу. Последний сказал:

– Братец, поезжай-ка на Арбат. Там в номерах моя семья остановилась.

Часа через полтора, взяв уличных лихачей, продавцы и покупатели подъехали на двух колясках к большому двухэтажному дому с каменным цоколем и мезонином. На воротах блестела золотом табличка:

Графиня Софья Ивановна Тимрот

Гости прошлись по богатому и обширному дому, с трепетом и восхищением разглядывали бронзу, фарфор, новые бархатные портьеры, глубокие мягкие кресла, кожаные диваны, старинные книги в шкафах, громадные картины на стенах.

Представление королю

Величественный дворецкий, его роль исполнял другой румынский подданный – Михель Блювштейн, для пущего эффекта натянул на голову громадный дамский парик и обильно посыпал его пудрой. Он басил, театрально склоняя голову перед покупателями:

– А теперь прошу насчет вашего внимания поглядеть сад с цветниками, оранжереей, хозяйственные постройки, конюшню на дюжину лошадиных персон. А вот тут у нас пруд с невиданными карасями. Извольте заметить, сильно

плещут хвостами. За прудом – живописные руины.

И вдруг он поднял глаза на Соньку:

– Простите, графиня! Его высочество граф сегодня утром прислали вам из французского Парижу телеграмму.

Дворецкий вынул из кармана старинного с золотым шитьем камзола колокольчик и позвонил:

– Анюта, волоки телеграмму!

Тут же, молнии подобна, вылетела из дома девица лет пятнадцати в сарафане и кокошнике, персонаж вполне опереточный. Это дочка Михеля исполняла роль сенной девки. На серебряном подносе она с поясным поклоном протянула барыне телеграмму. Сонька близоруко сощурилась, обратилась к Динкевичу:

– Окажите любезность, сударь, прочтите! Я лорнет в комнатах оставила.

Педагог с восторженным придыханием произнес:

– «Сонечка, в ближайшие дни состоится мое представление королю и вручение верительных грамот. Согласно протоколу обязан быть вместе с супругой. Немедля продай дом и выезжай, иначе приключится международный скандал. Целую, твой Тимрот».

...Через полчаса наша компания входила в помещение, украшенное вывеской «Нотариальная контора» и находившееся почти против женского Алексеевского монастыря. Их радушно приветствовал упитанный розовощекий человек:

– Графиня, какая честь моему заведению! Чем могу служить?

– Дом продаю.

– Да, я слыхал, что вы с мужем надолго уезжаете в Париж. Завидую вам, среди европейской культуры будете наслаждаться! – Нотариус повернулся к скромному молодому человеку, сидевшему в углу за бюро: – Дмитрий Петрович,

пишите купчую крепость: год, месяц, число – прописью! – в такую-то нотариальную контору – укажите адрес! – явились лично мне знакомые графиня Софья Ивановна Тимрот, урожденная Бебутова, и...

Через час все формальности были закончены. Склонив седую голову, Динкевич тщательно отсчитывал Соньке все, что он нажил за свою честную нелегкую жизнь, – двадцать пять тысяч рублей.

– Завтра после полудня можете въезжать в свои чертоги! – помахала графиня перчаткой новому хозяину. – Оревуар!

Конец комедии

На другой день бывший педагог поселился в доме. Вся его семья зажила по-царски. Блаженствовали они еще месяца два – до той поры, пока не явились настоящие хозяева – два брата-архитектора Артемьевы, сдавшие по газетному объявлению свой дом на тот срок, что ездили в Италию.

Как догадался читатель, нотариальная контора существовала только несколько часов. Чего, впрочем, вполне хватило, чтобы обмануть доверчивого провинциала. Роль нотариуса разыграл Ицка Розенбанд, тоже бывший Сонькин муж и тоже разыскиваемый полицией. Помощника его исполнил некто Хрущов, прежде под судом и следствием не состоявший.

Сонька, разгулки ради, отправилась в родную Варшаву. Сидя как-то в гостиничном люксе, она от скуки проглядывала газеты. Вдруг в разделе происшествий «Московского листка» ее внимание привлекла маленькая заметка:

САМОУБИЙСТВО

Вчера в одном из дешевых номеров Кокоревского подворья нашли постояльца, висевшего в петле. Выяснилось, что самоубийца – бывший директор гимназии в Саратове по фамилии Динкевич. Будучи одурачен какими-то мошенниками, он лишился всего своего состояния. В припадке отчаяния Динкевич наложил на себя руки.

Сонька весело подбросила газету вверх, захохотала:

– Ну дубина, ну Фоня Квас! Нашел ради чего вешаться – из-за денег! Да этого мусора кругом – хоть лопатой гребь. Ха-ха! – Она внимательно посмотрела на себя в зеркало, поправила прическу и не без гордости заметила: – Только для этого нужно иметь голову, а не пустую тыкву.

Щедрость

Пользуясь доверчивостью людей, Сонька действительно гребла деньги едва ли не лопатой. Охотилась за большим, но не брезговала и малым. Однажды из Одессы ехала по железной дороге в Москву. У случайного попутчика вытащила семь тысяч двести рублей.

С вокзала двинула в какие-то номера на Мещанской. Возле Сухаревской башни слезла, расплатилась с извозчиком и далее пробиралась пешком (конспирация!). Вдруг к ней обратилась нищенски одетая женщина с двумя младенцами на руках.

– Барыня, – взмолилась женщина. – Муж мой был сцепщиком на Рязанской железной дороге, угодил под колеса. Совсем прожилась. Не дай с голода окочуриться, помоги сколько можешь!

– Ах, бедняжка! – Сонька горько вздохнула. Казалось, вот-вот слезы польются из глаз. Она протянула пять рублей: – Возьми!

Упала женщина на колени, не знала, как благодарить. Достала платочек носовой, тщательно завязала в него пятерку и положила в карман. Сонька, прощаясь, ловко вытащила платок. Кроме пяти рублей, там нашлось еще семнадцать нищенских копеек. (Любопытно, что Сонька не стыдилась рассказывать своим «соратникам» об этом случае. Те весело гоготали.)

И все же преступников схватили. Главную роль в их разоблачении сыграл частный пристав Ребров. Мои читатели встретятся с ним в рассказе «Дьявольский перстень».

Эпилог

Московский окружной суд 19 декабря 1880 года постановил: Михеля Блювштейна и Ицку Розенбанда направить в арестантские роты. Хуню Гольдштейна отдать в исправительное арестантское отделение на три года, а затем выслать за границу с воспрещением возвращаться в пределы Российского государства.

Относительно Соньки приговор звучал так: «Варшавскую мещанку Шейндлю-Суру Лейбову Розенбанд, она же Рубинштейн, Школьник, Бреннер и Блювштейн, урожденную Соломониак, лишив всех прав состояния, сослать на поселение в отдаленнейшие места Сибири».

Из Сибири Сонька бежала. Она вновь обманывала, воровала, организовывала убийства, ворочала награбленными капиталами. Итог этой бурной и нечистой жизни вполне естественный: она оказалась на каторжном острове Сахалине.

Побывавший здесь в 1891 году А.П. Чехов исследовал быт преступников. Естественно, что он посетил в камере и такую знаменитость, как Сонька. Вот что он писал: «Это маленькая, худенькая, уже седеющая женщина с помятым старушечьим лицом. На руках у нее кандалы, на ногах одна только шубейка из серой овчины, которая служит ей и теплою одеждой, и постелью. Она ходит по своей камере из угла в угол, и кажется, что она все время нюхает воздух, как мышь в мышеловке, – и выражение лица у нее мышинное. Глядя на нее, не верится, что еще недавно она была красива до такой степени, что очаровывала своих тюремщиков, как, например, в Смоленске, где надзиратель помог ей бежать и сам бежал вместе с нею».

В одиночной камере и с кандалами на руках Сонька провела невообразимо долгое время – два года восемь месяцев. После этого страшного наказания левая рука у нее почти перестала двигаться. В присутствии нескольких сотен арестантов другая сахалинская знаменитость – безжалостный палач Комлев – оголил ей спину и так дал двадцать ударов розгами, что бедная женщина едва поползла до своей камеры. Каторжники весело ржали: Соньку за ум уважали, восхищались ее преступными подвигами, но самую героиню почему-то не любили.

В камере ей тоже не давали покоя. На Сахалин приходили пароходы с иностранными (!) туристами. Начальство приказывало выводить Соньку во двор. Рядом ставили кузнеца и надзирателей. Снимали на фото и продавали желающим. Фото называлось «Заковка знаменитой Соньки Золотой Ручки».

Вслед за Чеховым на каторжном острове Сахалин побывал известный журналист Влас Дорошевич. В 1903 году он выпустил два объемистых тома, которые так и назывались – «Сахалин. (Каторга)».

Дорошевич писал:

«Я ждал встречи с мефистофелем, с Ракомболем в юбке. С могучей преступной натурой, которую не сломила ни каторга, ни одиночная тюрьма, ни кандалы, ни свист пухля, ни свист розги. С женщиной, которая, сидя в одиночном заключении, измышляла и создавала планы, от которых пахло кровью.

И я невольно отступил, когда навстречу мне вышла маленькая старушка с нарумяненным, сморщенным как печеное яблоко лицом, в ажурных чулках, в стареньком капоте, с претензиями на кокетство, с завитыми крашеными волосами. Неужели „эта“? Она была жалка своей убогой роскошью...»

За особую плату разрешалось побеседовать с несчастной каторжанкой. Понятно, что она никогда не была откровенной. И лишь на склоне своих дней призналась одному журналисту из Германии (разговаривали по-немецки): «О чем жалею? О своих дочерях, их у меня две. Говорят, они вынуждены за гроши, чтоб с голода не умереть, представлять на сцене. – И, помолчав, добавила: – Наверное, я ошиблась, что избрала такой путь жизни. На более благородном поприще я могла бы стать и богатой, и знаменитой!»

О фантастической популярности аферистки говорит хотя бы то, что один из первых (если не первый) много серийных приключенческих фильмов назывался «Сонька Золотая Ручка». С потрясающим успехом он прошел по экранам Российской империи летом 1915 года.

В картотеках уголовных розысков хранилось немало карточек учета, в которых фигурировали «соньки золотые ручки». Это был излюбленный псевдоним аферисток и воровок.

Чего-чего, а славы эта женщина имела вдоволь. Славы позорной. Не было в ее жизни лишь счастья. Но это уж закон жизни: нельзя быть счастливым, принося горе другим.

Двойное убийство в доме воеводы

Утром 10 сентября 1754 года Москву со скоростью молнии облетела страшная весть. Толпы любопытных окружили дом пензенского воеводы Жукова, что расположен в приходе Федора Студита на Большой Никитской. Рассказывали, что когда малолетний сын воеводы Петр заглянул в спальню матери, то нашел ее убитой. Рядом с ней лежало мертвое тело ее дочери, которой шел шестнадцатый год.

Даже старожилы не могли припомнить ничего подобного. Жизнь в Белокаменной обычно текла тихо и благочестиво.

Императрица Елизавета Петровна, отличавшаяся мягким нравом и не переносившая всякую жестокость, приказала учредить следствие. Вскрывшиеся обстоятельства потрясли россиян бессердечностью злодеев.

Беглый каптенармус

– Беда в одиночку не ходит, – стала с некоторых пор повторять Аграфена Ивановна, супруга пензенского воеводы Жукова. У нее были веские причины для тяжелых вздохов.

Еще совсем недавно ее большой каменный дом близ Никитских ворот был полной чашей. Восемь господских покоев украшены зеркалами, комодами и стульями красного дерева, восточными коврами. А еще – три людских покоя, баня с горницей, ледник, погреб, набитая добром кладовая палата, каретный сарай, конюшня с двенадцатью стойлами, сад, огороды для овощей... Живи себе в удовольствие!

Господь послал Жуковым троих детишек. Под опекой матери тринадцатилетний Петруша и красавица разумница Надюша. Старший, Лешка, служил каптенармусом лейб-гвардии Преображенского полка. С него все беды и начались. Вначале он просрочил отпуск и не вернулся в полк. Причина – многочисленные карточные долги.

Весть эта дошла до Жуковых, когда они все вместе проводили лето в своей усадьбе под Пензой. Взвился отец от ярости, налилась сизой кровью его бычья шея.

– До государыни ведь слух дойдет! Опозорил, подлец! Убью Лешку как собаку! – топал воевода ногами.

Но несчастья лишь начались. Вскоре пришло послание от беглого каптенармуса:

«Милостивые родители Матвей Захарович и Аграфена Ивановна! Пишет вам сынок ваш Алексей и во первых строках желает благополучного здоровья. Божьим изволением, полюбился я с дочерью поручика Полтева Варварой, венчан по закону Православной нашей церковью. А приданого по записи мне обещано шесть тысяч рублей, но пока я их не получал. Жительство же нынче имею в их собственном доме в приходе церкви Филиппа апостола, что за Арбатскими воротами. Многократ просил я ваших милостей отпустить мне что-нибудь вещественного. Окромя же вашего родительского благословения, ничего не имел. Нынче, попущением Создателя, прозябаю во всяческом мизере. Жалованье из полка не идет, кредиторы рыщут, погубить желают мое честное имя. Отпишите, ваша милость, чтоб из полка мне отставку сделали. И еще Богом Святым молю: пошлите нам, батюшка Матвей Захарович, денежное воспоможение, а я буду молиться за ваше родительское здравие... Кланяется вам низко супруга наша законная Варвара».

Метался по дому воевода, грозил кулаком, обещал шкуру спустить с сыночка, а потом решил:

– Едем в Москву, буду пса поганого сам казнить!

Два дня собирались, а на третий – новая напасть, похуже прежних. Прибыла комиссия, снаряженная самой Елизаветой. Доняли ее жалобы на воеводу – лихоимца и притеснителя.

Пришлось воеводе отложить воспитание сына на некоторое время. Отправилась Аграфена Ивановна в Москву с двумя детьми, но без мужа.

Пришла беда – отворяй ворота

Едва вошла воеводша в московский дом, как лишилась чувств. Комнаты ужаснули ее голыми стенами. Многие из дорогой мебели и добра вытащил сыночек.

Послала воеводша в дом Полтевых капитана с полицейской командой, да ничего не обнаружили из похищенного. Видать, Лешка успел все спустить.

Из Пензы пришла дурная весть: комиссия составила для государыни доклад, весьма неблагоприятный для воеводы. Быть ему под судом, а ныне пребывает под домашним арестом.

Не знала Аграфена Ивановна, куда метаться: и к мужу ехать надо, утешить его, разделить печаль, а может, удастся кому взятку сунуть, и дом в Москве надзору требует. Лешка, того гляди, все остальное вытащит.

Но эта печаль была не в печаль, коли ведала бы воеводша, какая черная беда уже нависла над ее домом.

Родственнички

Как снег на голову пожаловал однажды вечером сыночек беглый. Упал он перед матерью на колени, просил вначале прощения, а потом и денег. Материнское сердце жалостливое – получил он и то и другое.

На другой день спозаранку вновь пришел на родной порог – привел молодую жену. Была она тощей, со злыми желтыми глазами и слюнявыми губами. Не показалась она Аграфене Ивановне, но виду не подавала, решила терпеть ее.

Пригласила жить под свою кровлю.

К вечеру молодые переехали.

Зашла и теща – Настасья Полтева, дородная бабища с бородавкой на щеке, из которой торчал пук рыжих волос.

Она с жадным вниманием оглядывала обстановку, завистливо охала:

– Богачество какое замечательное, посылает же Господь людям!

За ужином много пила и ела. Позже буфетчик Василий недосчитался серебряного прибора. Воеводше стало обидно, но она продолжала терпеть. Лешка обещал остепениться, Варвара – родить Аграфене Ивановне внуков.

В баньке, на полке?...

Так прошло некоторое время. Вставали молодые поздно – в отличие от воеводши, которая спозаранку хлопотала по хозяйству. Потом всей семьей пили в саду под яблоней чай с калачами и медом. До обеда ходили по лавкам, покупали материи, ленты, кружева или просто глазели.

После обильного обеда все ложились часа на два спать.

Перед ужином Надюша читала вслух из книг. Особенно нравились стихи Василия Тредиаковского и Михайлы Ломоносова – про любовь.

Все шло мирно до той поры, покуда Варвара не подловила своего мужа в баньке с дворовой девкой Авдотьей Ионовой, где они бесстыдно предавались амурным утехам.

Варвара от огорчения чувств упала в обморок, а мать устроила Лешке головомойку. Тот огрызался и куда-то исчез. Явился через два дня раздетый-разутый, с фингалом под глазом. Когда мать стала ему выговаривать, отпрыск гордо вскинул голову:

– Ах, маменька, вы изволите меня бесчестить! Я этого терпеть не желаю. Если не дадите мне десять рублей, которые есть мой долг чести, я кое-что сообщу о вас папаше. Ему будет очинно интересно узнать, в какой позитуре я застал в прошлом годе вас с кучером Антипой...

– Чего, идол, несешь? Хоть бы Надюшку постеснялся! Ограбил, непутевый, родительский дом, а теперь изгаляешься... Пошел вон! Эй, люди, гоните прочь этого ирода! Чтоб ноги его тут не было.

Слова говорила гневные, а материнское сердце было полно нежности к непутевому отпрыску.

Прибежали дворовые, подхватили Лешку под локти. Тот не сопротивлялся. Лишь зыркнул на мать дурным глазом и криво ухмыльнулся:

– Напрасно, маманя, вы так! Право, пожалеете...

У ворот столкнулся с Авдотьей. Успел шепнуть:

– Убеги завтра вечером, как мать уснет. На углу в коляске буду ждать.

Авдотья лишь жарко пожала его потную ладонь – знак согласия. За Лешкой – прикажи он – хоть головой в прорубь!

Заговорщики

На другой день, когда желтоватые огоньки в окнах на Большой Никитской стали совсем редкими, Авдотья выскользнула на улицу. Взметая пыль босыми пятками, добежала до угла. Там – коляска. Вспрыгнула – присосалась к Лешкиным губам, не оторвать.

Ехали не более полверсты, вылезли возле Боровицких ворот Кремля. Рощица тут молодая, да густая, непролазная. Мяли пахучую траву, заходились в страстной истоме. Потом Лешка, глядя в звездное небо, приказал:

– Поклянись, что никому не скажешь!

– Клянусь.

– И будешь делать, что скажу?

– Клянусь Пресвятой Богородицей!

Лешка наклонился к ней:

– Тогда слушай...

Авдотья слушала-слушала, но вдруг заупрямилась:

– Нет, боярин, такое не по мне... Да и грех велик!

– Грех, говоришь? – зло ощерился Лешка. – А любиться – не грешно? Грешно, зато сладко. Так и тут будет. Справим дело – озолочу! – И нежно обнял за талию. – И любить буду. Всегда!

Авдотья вздохнула:

– Рази так, то я согласная. А вы, Лексей Матвеич, не обманите...

К злодейскому преступлению они сделали первый шаг.

На следующий день вновь тайно встретились. Больше говорила сметливая Авдотья, Лешка с восхищением уронил:

– Теща моя Настасья умна, а ты еще головастей! Тебе только генерал-прокурором Сената быть. Толковые советы подаешь!

– Мне Сенат без надобности! Лишь вы меня не бросайте.

– Не брошу! Теперь будем действовать.

Роковой день

В подготовке задуманного прошло несколько дней. Эта подготовка сводилась в основном к вовлечению в заговор людей – чаще всего вовсе для дела не нужных.

И вот пришел роковой день – 9 сентября.

В доме Полтевых все крепко поужинали, выпили водки, закурили. Теща в какой раз за вечер надоедливо бубнила Лешке в ухо:

– Что возьмешь – сохраняй, не раскидывай людишкам. Только самую малость.

– Малость! – тянул сомневающийся Лешка. – Тогда донесут на меня.

– Не бойся, не донесут! Они будут с тобой кровью повязаны.

– Оно, конечно, так! Тысяч сорок должны взять – не иначе! Да в скрыне этой, с капиталом, еще ларец лежит – мать для верности его туда запирает. В ларце – камни самоцветные.

– Старухе они на кой ляд? А вы с Варварой – люди молодые. А отца твоего коли осудят, все равно в казну отпишут.

– Эх, заживем! А матери за упокой я богатую службу закажу, похороны тоже пышные: и грех замолю, и чтобы чего не подумали. Пора отправляться! Мишка Григорьев, ты где? Закладывай...

В карету рядом с Лешкой уселась Варвара. Мишка тронул лошадей. Теща напутственно махала рукой, стоя у ворот своего дома.

* * *

Около полуночи карета остановилась возле дома воеводы. Вдруг с испугу Лешка вздрогнул: выглянув в окошко, он увидел прямо перед глазами чью-то морду. Разглядел – это двадцатидвухлетний Сашка по прозвищу Калмык.

Калмык – личность поразительная. У него были удивительные уши, своим размером, да и формой напоминавшие капустные листья. И вот этими ушами он шевелил столь явственно, что дворня прямо-таки надрывалась от смеха.

Он был ленив и вороват, но Аграфена Ивановна отличала его от самого рождения. Она для начала стала его крестной матерью. Позже, когда подошел возраст, сажала его рядом со своими детьми, чтоб тот осваивал грамоту и другие премудрости, которым вразумляли учителя, приходившие на дом.

Но из всех наук Калмык совершенствовался лишь в одной – шевелении ушами. Так что Аграфена Ивановна вскоре бросила сие бесплодное занятие, но кормила его едой с барского стола и справляла добрую одежду. Позже женила его на сенной девушке, красавице Аленке. Через неделю после свадьбы Аленка бросилась в Москву- реку.

Когда Калмык стороной узнал о готовящемся убийстве, заговорщики перепугались. Они были уверены, что тот донесет на них. Но Лешка пообещал ему пять рублей, и Калмык с радостью согласился быть самым деятельным участником предприятия.

И вот теперь, растянув в улыбке рот до ушей, он радостным шепотом выдавил:

– Старуха храпит как мертвая! И сестра ваша с ней рядом уснувши. Сам проверял.

Лешка задумчиво почесал грудь. Потом сплюнул под ноги:

– Если Надька... в случае чего... Ну, лопоухий, сам понимай: чтоб свидетелев не было!

Калмык согласился:

– Вы, конечно, дело говорите. На хрена они, свидетели? С ними, едрена вошь, одна морока. Без свидетелев дело будет крепче. Барин, к нам Ванька Сизов напросившись. «У меня, – говорит, – от плотницкой работы в руках точность есть. Я не промахнусь, коли доверите!»

– Кто таков?

– Ванька-то? Да беглый мужик князя Куракина, а к нам пристамши.

– Смотри! Ты позвал, ты за него и ответишь, коли что не так. Ну, Калмык, черт полосатый, мужик веселый, начинай, веди народец.

Экспедиция

Ночь была сказочно прекрасной. Тихий ветерок чуть шевелил листья сада. С мягким стуком порой роняли на землю яблони давно поспевшие плоды. Ясный свет луны фосфорическим светом заливал пространство. Воздух был напоен запахом трав, плодов, теплой земли.

Но кучка людей, собравшихся для дела необычного и страшного, этих красот не замечала. Впереди, поблескивая наточенным топориком, бодро шагал Ванька Сизов. Шурша опавшими листьями, шаркал за ним кривыми ногами Калмык. Все были в куражно-приподнятом настроении.

Они уже подошли вплотную к тени, которую отбрасывал дом, как за соседним забором, гремя тяжелой цепью, яростно залаял пес. Тут же со всех сторон его дружно поддержали десятки собачьих глоток.

Первым пришел в себя Ванька Сизов. Он ядовито хихикнул:

– Никто не обдриставшись? Тогда айда за мной! – И он полез по загодя приготовленной лестнице.

На втором этаже чернотой выделялось растворенное окно. Мелькнув задницей, в проеме скрылся плотник. За ним забрались остальные. Здесь находились две пустовавшие комнаты. На всякий случай они были давным- давно закрыты снаружи. Злоумышленники, подавленные темнотой помещения и серьезностью предстоящих событий, медленно двинулись к дверям. Половицы громко и жутко скрипели. Казалось, вот-вот вскочит с постели хозяйка и заголосит на всю улицу, позовет будочника. И тогда...

Вдруг, отвратительно заскрипев ржавыми петлями, словно сама собой стала растворяться двустворчатая дверь. На пороге в неверном дрожащем свете лучины все разглядели сенную девку Катьку Данилову, сменившую утопленницу – юную жену Калмыка. Авдотья, без дела наболтавшая ей о готовящемся, сама была тому не рада: Катька донимала ее просьбами «принять в кумпанию».

– Хрен с тобой, – решил Лешка. – Дам тебе рупь да еще материнскую шубу бархатную. – И он подмигнул девке. – Только и ты меня уважай, а то прошлый раз в птичнике дюже грубая была, отталкивала.

Катька махнула рукой:

– Скорее, сюда!

Песни душевные

Все гурьбой ввалились в спальню. Катька повыше подняла лучину, осветив постель и две лежащие на ней фигуры – мать и дочь.

Перекинув топорик из руки в руку, вперед выступил Ванька. Деловито оглядел лежавших, словно собирался бревна тесать, засучил повыше рукава легкого кафтана, поставил на пол возле дверей топорик и приблизился к Аграфене Ивановне. Он сдернул с ее плеч одеяло и цепко ухватился за ее морщинистую загорелую шею. Все затаили дыхание.

Вдруг воеводша резко рванулась, стряхнула с себя эти волосатые клешни и, дико озираясь, вытаращив глаза, вскрикнула:

– Ты, ирод, что делаешь? Пошел вон...

Но договорить она не успела.

Иван вновь уцепился за ее шею, навалился всем телом. Под его железными пальцами что-то хрустнуло.

Воеводша начала судорожно трястись, изо рта пошла пена.

Вдруг вспомнив про топорик, Ванька схватил его и с силой стукнул Аграфену Ивановну обушком по лбу. Та затихла – навеки.

Тем временем начала просыпаться Надюшка. Она широко раскрыла глаза, села на постели, сквозь тонкую материю рубашки чернели соски ее маленьких крепких грудей.

– Что же, черти, вы смотрите? – заревел Калмык. Он бросился к девушке, повалил ее и локтем нажал на шею.

Нежное личико Надюши на мгновение скривилось в болезненной гримаске, но тут же разгладилось и навсегда успокоилось. Лишь из маленькой раковины уха скатилась рубиновая капелька крови.

Все сразу пришло в движение. Злодеи стали лазить по углам, искать добро и ничем не гнушаться. Калмык схватил ночные туфли барыни, Катька вытащила из комода цветастые шелковые ленточки и сыромятной кожи кошелек хозяйки, в котором та держала немного медных денег.

– Скрыню хватай, скрыню! – суетился Мишка Григорьев, все время выглядывавший из дверного проема. Сейчас он вдруг осмелел и попытался командовать разграблением хозяйского добра.

Катька накинула на себя салоп барыни, а другой великодушно передала Авдотье:

– Бери, раз такое дело вышло! Да чего, дуреха, трясешься? Дело сделано...

Плотник вытащил две шубы и поволок их из дома.

Калмык на ходу жрал невесть где взятую им колбасу, просяще приговаривая:

– Братцы, винца бы малость! В грудях горит!

Облокотившись на спинку кровати, над мертвой Надюшкой рыдала Авдотья:

– Солнышко мое, почто закатилось!

Катька рассмеялась:

– Ну, дуреха! Нашла о ком плакать.

И все вновь гурьбой повалили из комнаты.

* * *

На лестнице стояла только что прибежавшая девка Полтевых Матрена Семенова. Она деловито наставляла:

– Мужики, ключи не забудьте! Да из погреба надоть поднять чего – для отпразднования. Вон сколько всего хапнули. Не всякий день такое счастье в руки дается!

В ее голосе звучала зависть. Немного подумав, она выдернула из-под головы Надюшки пуховую подушку и потащила ее, прижав к груди.

Скрыню нес Калмык, выхвативший ее у плотника. Он подошел к карете. Возле раскрытой дверцы нетерпеливо стучал ногой о ступеньку Лешка:

– Ну что? Ну где вы, черти?

Калмык покровительственным тоном проговорил:

– Вот, барин, все в полном аккурате и сохранности! Позвольте вам под ножки в карету поставить.

Лешка вздохнул:

– Ну наконец! Хорошо-то как. Надоть уезжать. Сигайте быстрее, иди сюда, Калмык, садись, так и быть, рядом.

Все кое-как расселись, кучер тронул, Катька огласила высоким красивым голосом спящие окрестности:

Эй, малый, эй, малыш!

Тебе никак не угодишь...

И все остальные, кроме все время плакавшей Авдотьи, дружно и разухабисто подхватили:

То широка, то мала,

То кудрява, то гола!

Пусть поверит читатель, это исторический факт, отмеченный в архивных материалах: да, вся эта странная и беспутная компания неслась после всего того, что произошло в доме воеводы, с песнями и гиком к Мясницким воротам.

В угловом двухэтажном доме (его снесли лишь в семидесятые годы нынешнего века) с накрытым столом ожидала подполковничья жена дородная красавица Авдотья Нестерова.

– С дороги – по чарке! – весело крикнула Авдотья.

Выпили. Затем Лешка поставил скриню на стол, открыл, и его лицо вытянулось.

– Денег-то – кот наплакал!

Вместо сорока тысяч капиталу оказалось пятьсот шестьдесят три рубля двадцать копеек.

– А где ларец с бруллиантами? – вдруг вспомнил Лешка.

Ларец таинственным образом исчез и никогда найден не был.

Потом начали пить, гулять и плясать. Особо отличились Лешка и Калмык – вприсядку.

За ребро – на крюк

Злодейство наделало много шума. Императрица приказала ежедневно докладывать ей о ходе следствия. По монаршей милости и состраданию к его беде воевода Жуков был освобожден от суда и наказания, лишь отставлен от должности.

Генерал-поручик, действительный камергер и кавалер Александр Данилович Татищев следствие вел энергично. Уже к вечеру 10 сентября в доме Нестеровой арестовали девок. 14 сентября поймали всех остальных (кроме Ивана Сизова. Этот, прежде чем на него надели кандалы, еще несколько месяцев бегал на свободе).

Все были подвешены на дыбу и пороты. Все охотно показывали и на себя, и на других. Лешка чистосердечно бил себя в грудь:

– Это не я, это моя стерва-теща! Все она, паскудная.

Настасья Полтева оказалась единственной, кто долго проявлял характер.

С нее плетьюм сдирали шкуру, подвешивали «на петли» (мучительная пытка с выкручиванием суставов). Она стояла на своем:

– Знать ничего не знаю!

На очной ставке дочка и зять укоряли ее:

– Побойся Бога, твоя затея!

– Подлецы вы оба! Будьте прокляты! Не я...

Опять до крови били, на дыбу вздергивали, подвешивали за руки и ребра – под потолок. Наконец сдалась, прохрипела:

– Ну я подбила! Чтоб все вы сдохли...

Холодный погреб

Мишка Григорьев без всякой надобности оговорил своего дядю Захара Иванова:

– Знал, что готовим убийство, но не донес...

Семидесятилетнего старика трижды били, пока он не испустил дух, так и не признавшись в преступлении, которого не совершал. Случилось это 18 ноября, а тремя днями раньше умерли от пыток в один день Калмык и Мишка Григорьев. Настасья Полтева дотянула до 3 марта нового, 1755 года. По обычаю того времени, казненных хоронили в четверг на Троицыной неделе – всех сразу, с общей панихидой.

До того времени покойников свезли в церковь Святого Ивана Воина, что на Божедомке. Там их сложили в холодный погреб.

Тех, кто выдержал, ожидала страшная участь.

Следствие составило «экстракт» (заключение), а генерал Татищев с судом приговорили (включая умерших): «Алексея Жукова, жену его Варвару, тещу Настасью Полтеву, Калмыка Александра и Михаила Григорьева пятерить: отсечь руки, ноги и головы. Девкам Авдотье Ионовой, Катерине Даниловой и Матрене Семеновой отсечь головы...»

Пойманного позже Ивана Сизова тоже приговорили к «пятерению».

Елизавета Милостивая

Все смертные приговоры отправлялись на утверждение Елизавете. Еще при вступлении на престол она неукоснительно обещала прекратить в России смертные казни. Свое намерение она твердо проводила в жизнь. Тем самым Россия на много лет опередила все западноевропейские законодательства (увы, что смертная казнь – варварство, приходится доказывать и в наш вроде бы просвещенный век).

Ждать своей участи приговоренным пришлось невыносимо долгих двенадцать лет. Все эти годы они провели в одиночных камерах. Для «отягощения положения» на грудь на цепях были навешены увесистые чурбаны.

Вступая на престол, Екатерина II заменила смертный приговор прилюдным церковным покаянием и ссылкой. Без клеймения, то есть без выжигания на лбу и щеках слова «воръ».

Жуковы были отправлены в Соловецкий монастырь. Вместе с ними «для услужения» отправились два крепостных мужика. Сказывали, что стража допускала порой Варвару в камеру мужа. Скончалась она от жестокой чахотки года два спустя. Крепостных Алексей еще прежде проиграл в карты за две «красненьких» – за двадцать рублей.

Окончательно спятив с ума, находясь в церкви во время провозглашения многолетия Екатерине, Лешка стал выкрикивать в адрес государыни непристойности.

Его посадили в кандалы и отправили на следствие в Архангельск. Здесь во время конвоирования в тюрьму ему на шею вдруг бросилась какая-то женщина:

– Лексей Матвеевич, вы ли, голубчик?

Конвойные женщину отогнали. Это была Авдотья Ионова.

Эпилог

Судьба Авдотьи сложилась удивительно. Она глубоко раскаялась в своем преступлении. Попав в Архангельский острог, отличалась добрым нравом и умением обходиться с людьми. Ее заметила жена начальника острога, взяла к себе в дом – помогать по хозяйству. Авдотья служила с усердием, стала общей любимицей. Сколько могла, через свою хозяйку помогала Лешке.

В феврале 1776 года из Петербурга пришло распоряжение Екатерины: «блевание» Жукова оставить без внимания, «ибо уже такового утопшего в злодеяниях человека никакое, кажется, физическое наказание к желаемому раскаянию привести не может». Решение милостивое!

Так Лешка был отправлен обратно на Соловки.

Вскоре и в судьбе Авдотьи наступила перемена. Из семьи осторожного начальника ее забрал к себе олонецкий губернатор. В 1784 году «по наследству» она досталась новому губернатору – поэту и сенатору Гавриле Романовичу Державину. Тот добился у императрицы помилования Авдотьи. Отбывая на губернаторство в Тамбов, он взял ее с собой.

В Тамбове Авдотья отпросилась на житье в монастырь, затем приняла постриг. Она слыла смиренной монахиней, показывая пример иноческой жизни. Зная приемы врачевания травами, была частой гостьей в местном остроге, подавала всяческую помощь колодникам, утишала беседами их душевную боль.

Умерла Авдотья Ионова в 1835 году, не дожив до своего столетия меньше года. С ее смертью закончилась эта страшная история.

Но много прежде, еще в декабре 1766 года, в «Московских ведомостях» появилось объявление: «Близ Никитских ворот отдается внаем каменный дом Жукова. В нем восемь покоев с изрядным украшением, людских три покоя, кухня, баня с горницей, ледник, погреб, кладовая, каретный сарай, особый огород для овощей, регулярный сад...»

Желающий нанять дом быстро нашелся. Но как-то удивительно быстро и съехал с него. Сдавался дом воеводы и другой раз, и третий... Но и эти жильцы быстро уезжали, даже не спрашивая деньги, вперед внесенные.

По городу пошли самые страшные слухи. И долго-долго никто не посягал поселиться в его несчастных стенах.

В 1876 году Константин Петрович Победоносцев, которому вскоре предстояло на четверть века занять высокий пост обер-прокурора Святейшего Синода, автор многих серьезных исторических исследований, писал:

«Каменный дом, в котором совершено убийство, существует и до сих пор в том же наружном виде, в каком был при жизни Аграфены Жуковой. Он стоит отдельным двухэтажным корпусом во дворе, на самом углу Большой Никитской и нынешнего Мерзляковского переулка... Дом этот долго считался опальным. В околотке ходили слухи о тенях убитых Жуковых, которые будто бы являлись по ночам – в тех комнатах, где совершилось убийство. Жильцы обегали этот дом... Всех, кто ни поселялся в этом доме, выгоняли страшные привидения,

являвшиеся ночью.

Эти слухи еще в памяти у некоторых местных старожилов, кого нам случалось расспрашивать».

Можно верить, что стены хранят память об ушедших временах и людях.

Сервиз императора

Дело это не совсем обычно. Даже на фоне бесчисленного многообразия преступлений оно стоит особняком. В нем немало забавного, анекдотичного, хотя, к сожалению, и здесь не обошлось без трагедии. И уж во всяком случае, это дело ярко показывает весьма остроумные и своеобразные методы сыщиков времен Николая I.

Гроб на мосту

Теплым майским утром, когда сады и парки Петербурга уже украсились изумрудом свежей зелени, император Николай Павлович моциону ради совершал прогулку в коляске. Как и другие русские государи, он своих подданных не боялся и появлялся среди людей без всякой охраны.

Рядом с ним разместился посол Франции герцог Монтебелло. Это был человек прекрасно образованный, влюбленный в русскую культуру и к тому же весьма интересный собеседник.

На сей раз спутники вели легкую, непринужденную беседу, далекую от политики. Герцог с восторгом произнес:

– Вчера на балу в Зимнем меня поразили великие княжны Мария и Ольга – как они милы, как грациозны!

Николаю была приятна похвала дочерям, но он скромно произнес:

– Ну конечно! Только в этом деле не обошлось без заслуг портных. Платья из белого узорчатого шелка им и впрямь к лицу.

– Ваши портные и особенно вышивальщицы очень хороши. Моя супруга только что заказала платье из фая с вышивкой соломкой у Ирэн Сусловой.

Герцог был влюблен в свою жену – юную белокурую красавицу. По этой вполне уважительной причине он часто вспоминал ее. Вот и теперь герцог с воодушевлением воскликнул:

– Ваше величество, я удивляюсь талантливости ваших подданных! Моя супруга вчера была потрясена необычной красотой кофейного сервиза – какие благородные формы, какой тонкий, изящный рисунок! Герцогиня, большая ценительница красоты, хочет заказать такой же.

Николай пытался вспомнить кофейный сервиз и не мог. Он предпочитал пить чай. Герцог наморщил лоб и произнес:

– Я даже запомнил фамилию ювелира – Сазикофф!

– Да, Сазиковы – отличные мастера. Они порой выполняют заказы для дворца. Мне приятно, что русские мастера пришлись по сердцу моим французским друзьям.

В этот момент коляска вкатилась на гладкое покрытие недавно открытого Благовещенского моста. Возница недовольно буркнул:

– Вот необразованность! Всю дорогу насквозь перегородили. Тпру! – И натянул новые вожжи с серебристым набором, останавливая лощеных лошадей.

– Что такое? – Брови императора сошлись у переносицы.

Впереди тихо тащились погребальные дроги. Николай поднялся, обнажил голову и осенил себя крестным знаменем.

– Мы все равны пред гробовым исходом, – вздохнул император. – Господи, прими с миром душу этого бедняка.

Благородное сердце

За гробом, погрузившись в глубокую печаль, шли всего два человека. Одета во все черное, молодая, приятной наружности женщина вела за руку белокурого мальчугана лет пяти.

Лицо императора вдруг озарилось какой-то мыслью. И далее государь совершил исторический поступок. Он порывисто соскочил с коляски, широким легким шагом догнал дроги. Он взял мальчугана за руку и пошел рядом с молодой вдовой.

Завидев знакомую фигуру императора, петербуржцы всех возрастов и сословий спешили присоединиться в шествию. И уже скоро громадная толпа двигалась за гробом бедняка, отдавая ему последнюю честь. Много любопытных собралось на тротуарах, люди выглядывали из окон, толпились на балконах. Процессия двигалась по Английской набережной. Царь тихо спросил женщину:

– Умерший тебе приходился мужем?

Вдова молча кивнула, и ее лицо вновь оросилось горькими слезами.

– Я вижу – ты бедна. Завтра утром приходи ко мне в Зимний дворец. Вместе с сыном.

Вдова с благодарностью прильнула к руке императора.

Николай сделал знак вознице, следовавшему за императором в некотором отдалении. Разламывая толпу надвое, тот подкатил к Николаю. Государь уселся на свое место, преисполненный христианского смирения и доброты.

Герцог с восхищением воскликнул:

– Простите меня, ваше величество! Но я скажу прямо: у вас благороднейшее сердце. Как счастлива Россия, что ею управляет столь удивительный монарх!

Император с глубоким вздохом отвечал:

– Я исполняю свой человеческий долг. Господь послал нас на грешную землю лишь для того, чтобы увеличивать на ней количество добрых дел. – Помолчав, добавил: – Кстати, что вы говорили о сервисе? Я при шлю его в подарок вашей милой супруге. Ну а вам пусть он напоминает нашу сегодняшнюю прогулку.

Герцог онемел от царской щедрости.

Большая политика

Все намеченное Николаем успешно свершилось.

В Зимний дворец с малолетним сыном явилась вдова.

Выяснилось, что ее мужем был чухонец-рыбак по фамилии Раутио, скончавшийся во цвете лет. Николай провел рукой по белобрысой голове мальчика:

– Ты хочешь, сирота, защищать нашу империю?

– Да, хочу, – бойко отвечал тот.

– Прикажу зачислить тебя в школу кантонистов.

Это было нарушением правил, ибо там учились лишь солдатские дети. Государь порядок ценил превыше всего, но человеколюбия ради изменил принципам. Он перекрестился и подумал: «Надо спешить творить добро! Мои подданные – мои дети».

Самой вдове было выдано пятьдесят рублей.

* * *

Об этом происшествии тут же узнал весь Петербург. Все славили доброе сердце монарха. Профессор архитектуры Пименов вызвался сделать скульптурные группы, запечатлевшие христианский поступок царя. Фигуры должны были украсить Благовещенский мост – вскоре переименованный в Николаевский, там, где съезд с него на Английскую набережную.

Архитектор Штакеншнайдер начал в спешном порядке сооружать часовню, которая даже отдаленным потомкам напоминала бы о замечательном событии.

В Министерстве иностранных дел, что размещалось в строении под номером 6 на Дворцовой площади, в соответствующей папке появился документ:

«В знак вечной и нерушимой дружбы между русским и французским народами и в высших политических целях Его Императорское Величество распорядился передать герцогу Монтебелло художественной работы ювелирной фирмы «Сазиков» сервиз кофейный серебряный 84-й пробы на 24 персоны общим весом один пуд и полтора золотника».

Генерал-фельдмаршал Паскевич, бывший наместник царства Польского, женатый на двоюродной сестре Грибоедова и в свое время опекавший поэта Пушкина во время его поездки по Закавказью, просительно посмотрел в глаза Николаю:

– Ваше императорское величество, позвольте сей дар от вашего имени представить герцогу...

Царь расхохотался:

– Иван Федорович, а ты неугомонный ветреник! Это в твоём-то почтенном возрасте – молодец! Что же, я не против – передай сервиз.

Паскевич усиленно и с успехом ухаживал за герцогиней Монтебелло, и об этом знали все, кроме самого посла.

* * *

Герцогиня была в восторге от щедрого дара. С кокетством истинной парижанки она за столом принимала тайные ласки генерала, сидевшего во время трапезы рядом с ней.

Парижские газеты с восторгом писали о происшествии на Благовещенском мосту, о том, что великий император принимает участие в судьбе самых обездоленных граждан, делает их счастливыми.

Тогда же были решены в пользу России какие-то давние торговые споры с Францией.

Императрица Александра Федоровна поцеловала своего замечательного мужа и назидательно сказала великим княжнам и наследнику-цесаревичу Александру:

– Вот, дети мои, как надо делать большую политику. Ваш отец умеет малыми средствами добиваться великих целей. Посол увлекается охотой. Вот, Александр, вы и пригласили бы его.

...Однако жизнь готовила сюрприз, и весьма неприятный.

Пока великие развлекаются

Восемнадцатого августа того же 1851 года имело быть большое торжество – открытие железнодорожного сообщения между Петербургом и Москвой. (Название «Николаевская» эта дорога получила лишь после смерти инициатора ее строительства. При жизни император запретил так называть ее – эту бы скромность тем, кто захватил власть в октябре 1917-го!)

Царская семья, свита, представители дипломатического корпуса отправились в веселую поездку. Император все время был в отличном настроении, без конца задавал вопросы инженерам, некоторое время провел в кабине машинистов и даже усердно помогал им, изрядно перемазавшись. Он с восторгом наблюдал, как металлическая громада преодолевает хрупкое на вид сооружение – мост. Для этого даже не ленился выходить из вагона и следить за движением со стороны.

Возле Веребьинского моста, переброшенного через большой овраг, произошел забавный случай. Николай, окруженный свитой, в которой была и герцогиня Монтебелло, находился возле насыпи. Царь взмахнул белым платком:

– Марш!

Это был приказ к движению.

Паровоз запыхтел паром, выпустил из громадной трубы в синеву неба черный дым, протяжный гудок прокатился по безбрежным зеленым просторам. Колеса заерзали, отчаянно закрутились на месте, забуксовали. Вопреки всем усилиям машиниста, состав не сдвинулся ни на пядь.

Инженеры не умели объяснить сего конфуза.

Вдруг умная герцогиня сообразила:

– Ваше величество, а для какой надобности рельсы покрыли масляной краской?

– Где дорожный мастер? – спросил император. Тот, насмерть перепуганный, заикаясь, объяснил:

– Так вить они, рельсы-то, были ржавые, совсем некрасивые. Вот я и распорядился – обновить.

Император нахмурился:

– Усердие, братец, не по разуму! Надо знать законы физики. Прикажи, чтобы краску сняли.

И, повернувшись к герцогине, добавил:

– Вы – прелесть! Когда вернемся в Петербург, приглашайте пить кофе – из нового сервиза. Буду обязательно!

Герцогиня и ее муж горячо благодарили за великую честь.

Рельсы очистили, паровоз быстро побежал дальше. Государь всю дорогу оставался веселым.

Настроение испортилось лишь по возвращении в Петербург. Монтебелло, попросивший вдруг аудиенции, вошел в кабинет Николая почерневший от огорчения.

– Ваше императорское величество, случилась страшная беда! Пока я путешествовал, петербургские воры украли из посольства ваш бесценный подарок – сервиз! Прикажите учинить самое строгое следствие!

Царский гнев

Николай был возмущен, взбешен, разгневан. Он топнул ногой:

– Галахова ко мне!

Обер-полицмейстер Петербурга Галахов, страшась монаршего гнева, задыхаясь от лишнего веса и спешки, вытянулся перед императором. Тот, округляя небесно-голубые глаза, с возмущением спросил:

– Для чего я содержу полицию? Чтобы из иноземных посольств крали мои подарки? Ищи сервиз! Не найдешь – отправлю на Кавказ! – И царь пошевелил своими пышными усами, что было проявлением наивысшего гнева.

– Отыщем, ваше величество! – бодро отвечал Галахов, успевший прийти в себя. – Из-под земли вынем, а найдем. У нас быстро.

Обер-полицмейстер не мог даже предполагать, какие невероятные сложности стоят на его пути.

* * *

Такой паники петербургская полиция еще никогда не знала. На дворе стоял поздний час, но десятки рассыльных бегали по домам полицейских, созывая их к генералу. Галахов стучал громадным волосатым кулаком по дубовой крышке

служебного стола:

– За что государь-батюшка платит нам деньги! Дожили – из иноземных посольств жулье тащит императорские подношения. Если сервиз не найдете, пропади я на этом месте, всех сгною в Сибири! Поняли? Вопросы будут?

Началось нечто веселенькое – розыск по всему Петербургу. Без всяких санкций и прокурорских виз, которые в те простые времена и не требовались, сделали обыск в десятках домов, находившихся на подозрении, – сервиза не нашли.

Полицейские агенты разыскивали своих старых знакомцев из воровского мира, требовали:

– Верните царский сервиз! Позволим целый год спокойно кормиться.

Воры промеж себя учинили сыск строжайший, но развели руками:

– Никто из наших не брал! Коли не так, век нам свободы не видать.

Следствие зашло в тупик.

На место службы – этапом

– Что делать?! – стонал Галахов. – Государь мне ведь голову оторвет, а у меня детишки малые!

А тут генерал Паскевич приключился. Говорит:

– А где Путилин? Он искал вора?

– В том-то и дело, что Путилин в отпуске. Мы и не знаем, где его найти. Путилин – первостатейный сыщик, хоть и совсем молодой. Не зря мы его к себе из Москвы на службу перетащили.

А Паскевич качает головой:

– Если вы своего брата полицейского найти не умеете, тогда точно вас всех в Сибирь пора отправлять.

Побежали к Путилину домой. Служанка отвечает:

– Барин в Москву уехавши. А где там обретается, того знать не можем.

Вызвал Галахов к себе телеграфиста. Тот отстучал телеграмму генерал-губернатору Москвы князю Долгорукову, что размещался в казенном доме на Тверском бульваре:

«Согласно приказу Его Императорского Величества прошу отыскать и срочно доставить в Петербург нашего сотрудника Путилина. Приметы: рост выше среднего, волосы светлые, курчавые, глаза карие, носит длинные густые бакенбарды, выговор малороссийский, отличается умом и природной силой».

Видать, московская полиция работала похлеще петербургской. За ночь перевернули весь обширный город, а к утру Путилина обнаружили в ресторане «Неаполь», что на Домниковке в доме Малюшина, где он пил шампанское со своим закадычным приятелем, которому позже предстояло стать знаменитым писателем, драматургом и рассказчиком, Иваном Горбуновым.

Вырвали сыщика из дружеских объятий, на всякий случай надели наручники и помчали на перекладных без передыху в столицу (регулярное движение по железной дороге началось лишь в ноябре того же 1851 года).

С лошадей спустили шкуры, из Путилина вытрясли душу, а тело все же в два дня в Петербург доставили.

Тут встретили сыщика как родного, освежили шампанским и представили пред очи Галахова.

Тот обнял его, умоляет:

– Отыщи, голубчик!

Путилин был личностью совершенно необычной. Если бы нашлось перо, которое правдиво описало его подвиги в сыскной работе, то слава Ивана Дмитриевича затмила бы всяких выдуманных шерлоков холмсов.

Уже при жизни он стал легендарной личностью. Его прошлое было, по меткому выражению Горбунова, «покрыто мраком неизвестности». Весьма симпатичный и обаятельный, он к преступникам испытывал скорее жалость, чем неприязнь. С каждым умел найти общий язык, вызвать на разговор. Его блестящее умение анализировать, сопоставлять, строить неожиданные и смелые версии вызывает восхищение. Путилину удалось раскрыть великое множество самых злодейских и запутанных преступлений.

Гений сыска – граф Аполлинарий Соколов восторгался работой Путилина.

Но, как признавался сам сыщик, дело о пропаже сервиза стояло в его практике особняком.

За оградой посольства

Пропарившись с дороги в Андреевских банях, что на Васильевском острове, помолившись за успех дела в Придворном соборе Спаса Нерукотворного образа, что в Зимнем дворце, наскоро перекусив, Путилин приступил к делу. Он взял себе в помощники своего старого друга, частного пристава Шерстобитова. Потребовал протокол осмотра места происшествия.

Оказалось, что такового нет.

Галахов объяснил:

– Приходил посольский камердинер, подал заявление о пропаже сервиза и сказал, что желательно обойтись без вторжения на их территорию. Так что ищи сервиз без осмотра места преступления.

– Тогда, – махнул рукой Путилин, – отпустите меня обратно в Москву. Мы с Горбуновым малость не догуляли. У меня теперь, между прочим, отпуск. Моей натуре разгулка нужна.

Делать нечего, связался Галахов с герцогом, тот позволил сыщикам осмотреть место преступления.

Путилин и Шерстобитов пришли к посольству. Денно и ночью у входа дежурят два полицейских, гостям они честь отдали. Забор высоченный, глухой, кирпичной кладки.

Сыщиков сопровождали советник посла и камердинер. Показали место у стены, где изнутри к стене была приставлена стремянка.

Путилин приказал Шерстобитову влезть на лестницу, а сам с другой стороны ограды зашел, внимательно грунт осмотрел, какие-то пометы в блокноте сделал.

Камердинер – стройный человек с тщательным пробором на голове – очень старался помочь следствию.

– Позвольте, господа сыщики, показать вам окно, через которое преступник проник в посольство. – И повел их к торцевому фасаду. Это оказалось как раз рядом с тем местом, где лестница к ограде была приставлена.

– Удобное место для воровства, – улыбнулся Путилин. – Оно скрыто от взора дежурных полицейских. И за оградой глухой переулок.

– Вот это стекло было выдавлено, – показывает камердинер. – Теперь, как видите, мы вставили новое.

Обнаженная красавица

Путилин и Шерстобитов прошли в здание посольства, осмотрели пол и ковер под этим окном. Потом занялись громадным, старинной работы дубовым буфетом, где хранилось столовое серебро. Дверца снизу была выломлена ломиком.

Путилин достал из кармана лупу, внимательно изучил состояние замка. Хмыкнул, ничего не сказал, убрал лупу и отправился на улицу к тому окошку, в которое влезли воры. Недолго лазил под ним, что-то мелкое поднял, завернул в свой носовой платок и спрятал в карман.

На прощание зашел вновь в здание посольства, поблагодарил всех за помощь, залюбовался висевшей в прихожей старинной картиной: обнаженная красавица на фоне роскошной южной природы.

Герцогиня объяснила:

– Это великий Корреджо...

– Великий итальянец Антонио Корреджо, – дополнил Путилин. – Это полотно стоит целое состояние. Странный воришка, почему он не взял картину?

– Думаю, что он не знал ее истинной стоимости, – высказал предположение герцог.

– Воришки или воришка (я пока не ведаю, сколько их было) знали очень многое: где стоит царский сервиз, с какой стороны легче проникнуть в посольство, да и время выбрали самое удобное – когда многие отъехали на охоту. Удивительно!

Сыщики покинули посольство в хорошем настроении, а жизнь готовила очередные сюрпризы.

Погоня за тенью

Путилин отправился к Галахову с докладом. Тот проявлял все большее нетерпение, видать, самого царь донимал.

– Где сервиз? Когда найдем похитителей?

– Воров следует искать... в самом посольстве.

Галахов выпучил глаза, надул щеки:

– Ты, Путилин, в своем уме? Хочешь скандала международного значения? Тогда уж точно Николай Павлович отправит меня на Кавказ, а я прежде того сошлю тебя навеки в Сибирь.

– Есть веские улики: мелкие осколки выдавленного стекла были не внутри здания, а снаружи, лежали в траве. Вот они... – Путилин развернул носовой платок. – Дверца в буфетном шкафу разворочена, а замок не поврежден. Ишь, хитрецы, будто бы взлом. Далее: не взяли картину Корреджо, потому что пропажу тотчас бы заметили, а сервиза могли бы долго не хватиться. И главное: хотя лестница была прислонена к стене, снаружи вытоптана трава, но нет глубоких вмятин на земле, как это случилось бы, если со стены с грузом (или без него) прыгнул бы человек. И неясно, каким образом он забрался снаружи на эту самую стену.

– А что, воры не могли принести лестницу с собой?

– Могли, но тогда они оставили бы следы на земле возле наружной стены. А этих следов нет! Сервиз надо искать в самом посольстве.

– Хорошо, – без удовольствия произнес Галахов, – я посоветую герцогу сделать это. Но если сервиз в посольстве не обнаружат – беда!

Обыск в посольстве был негласно проведен на следующий день камердинером и одним из дежурных полицейских, когда весь обслуживающий персонал отправили в театр. Обыск ничего не дал.

Галахов размахивал кулачищами перед носом Путилина и кричал:

– Мне наплевать, кто украл! Меня не вор интересует, а сервиз. Понял? Сер-виз! А ты мне какие-то стекляшки в платочке показываешь и еще умствованиями занимаешься. Какой тебе дать окончательный срок?

Подумал Путилин и отвечает:

– Десять дней.

– Недели с тебя хватит! И берегись... хоть из-под земли вынь...

Побежал Путилин к Шерстобитову. В голове у него созрел план – весьма смелый.

У Сазикова

В тот же вечер друзья-сыщики отправились в ювелирную фирму «Сазиков». Еще в 1810 году ее основал в Москве Павел Федорович Сазиков, умерший лет за двадцать до описываемых событий. Его дело продолжили два сына, один из которых, Игнатий, открыл филиал в Петербурге. Его работы славились своим изяществом.

– Игнатий Палыч, выручай, голубчик! – взмолился Шерстобитов, давно друживший с ювелиром. – Нам уже не отыскать кофейный сервиз, который ты для императора делал и который пропал из посольства. Изготовь точную копию, будь благодетелем!

– Эскизы у меня остались, – говорит Сазиков, – работники мои на месте и трезвые. К тому же ты мне человек не посторонний, тоже выручал. Только вот дорог он, сервиз...

– Дорога в Сибирь нам еще дороже обойдется! – смеются сыщики.

– Ну да ладно! Вы оплатите лишь материал, а за работу с мастерами я сам сочтусь. Небось срочно надо? Постараемся.

И впрямь мастера постарались – за пять дней и ночей копию царского сервиза выполнили. Красавец – от подлинного не отличишь!

Ликут сыщики, сердечно благодарят Сазикова.

Но жизнь продолжала их испытывать...

На краю пропасти

Со всем тщанием и втайне от всех перевезли сервиз к Путилину. Сидят, пиво пьют, легенду сочиняют, как у воров сервиз, дескать, перехватили. Дело нехитрое, сочинили небылицу. Не впервой начальство надувать, без этого в полиции не проживешь.

Наутро Путилин предстал перед Галаховым. Стоит и соображает: «Какое вознаграждение даст генерал? Думаю, не меньше, чем по половине годового жалованья каждому, а то и больше. Хоть немного оправдать то, что за копию пошло».

Галахов, как услышал новость, обрадовался, по плечу изволил похлопать:

– Молодец, доложу о твоей работе самому государю императору, а ты сам вручи герцогу. И можешь отпуск свой продолжить, поезжай в Москву. Там одни гулены живут. Да, за службу царю и Отечеству получишь двухмесячное жалованье.

– Так нас двое...

– Тогда каждому по месячному окладу! Сервиз доставь послу. Я его предупрежу.

Вышел из обер-полицмейстерского кабинета Путилин, сплюнул на паркет, поговорку вспомнил: «Нужен сыщик – Иван Уколыч, дело сделал – последний сволочь!» И вдруг его словно обдало холодным потом.

– Что же я наделал? Как теперь выкрутиться? – простонал и опрометью к Шерстобитову бросился.

Еще с порога кричит:

– Собирай вещи, теперь уж точно Сибири не миновать!

– То есть?

– У французов сервиз был пользованный, зубами ободранный, а наш новый. Вот посол и догадается, что мы его дурим.

– А ему не все равно, лишь бы добро свое вернуть: что тот сервиз, что этот?

– Совсем нет! Настоящий сервиз – подарок императора. В этом вся сила. Что делать?

Крепко сыщики задумались. Вдруг Путилин закричал:

– Ура, придумал! Лови извозчика, везем сервиз этот чертов в пожарное депо.

– Зачем? – изумился Шерстобитов.

– Сам догадайся!

Шерстобитов вдруг дико захохотал, обнял с восхищением друга:

– Ну, Иван Дмитриевич, ты – голова!

* * *

Погрузили в коляску ящики с сервизом и отправились к пожарным. По дороге у знакомого лавочника в кредит выпивки и закуски набрали.

– К нам полиция, да не с пустыми руками! – обрадовались укротители огненной стихии. – Почему не погулять, да еще с богатого сервиза?

Всю ночь гудели, только Господа молили:

– Чтоб нынче возгораний не случилось!

Господь молитвам внял. К утру, разглядывая сервиз, Путилин с удовлетворением произнес:

– Ну вот, ободрали в самый раз! Можно к герцогу везти... Вы нас прямо-таки с края пропасти вытащили. Век не забудем.

Пожарные похихатывают:

– И вам сердечное мерси! Почаще так заезжайте.

Прямо от пожарных сыщики поехали к герцогу, сервиз повезли.

Там их как дорогих родственников встречают. Герцог благодарит, герцогиня вся расцвела:

– Какая прелесть! Теперь императора мы достойно встретим.

Вошел камердинер. Вперился взглядом в серебро – не оторвать, от радости, видать, малость свихнулся.

Герцог галантно скалит зубы:

– Поздравляю с успешным завершением дела!

А Путилин очень зол был на посольских, твердо знал: вор среди прислуги находится. Вот он громогласно и заявляет:

– Дело в самом разгаре! Еще кое-кому придется наручники надеть...

Герцог удивленно глаза округлил, а камердинер проводил сыщиков до парадного подъезда.

...Утром, когда Путилин ел яичницу с ветчиной, прикатил от Галахова вестовой, командует:

– Их превосходительство вас срочно к себе требуют! Собирайтесь.

Поперхнулся Путилин, почуяло сердце недоброе.

– А зачем я понадобился?

– Там узнаете! Извольте поторопиться. Приказано – срочно.

Покойник

Как увидал Галахов Путилина, так и схватил его за грудки, трясет со страшной силой и ругается:

– Аферисты, жулье, мать вашу!.. Что ж вы меня перед государем осрамили? Да я вас... да я вам... Зачем другой сервиз подсунули?

Путилин пытается сообразить, что к чему, но про себя решил: «Пойду в несознанку! Признаваться только дураки торопятся!» Отвечает:

– Ваше превосходительство, не понимаю, о чем речь!

Топают ногами генерал:

– Не валяй дурака! – Повернулся к адъютанту, говорит: – Оставьте нас вдвоем. – Попил воды, немного успокоился. Предложил: – Садись, надо думать, как нам всем выкрутиться. Ты вчера привез сервиз и сказал при всех посольских, что кому-то из них еще будешь наручники надевать. Угрозу услышал камердинер, да и сервиз увидал. Вот он, дурак, и решил, что воровство разоблачили. Побежал к себе в комнату, закрыл дверь и повесился.

– Камердинер?! Нет, этого не может быть!

Опять генерал осерчал, на паркет плюнул:

– Как это «не может быть», когда в посольском доме свежий покойник!

– Он производил такое благоприятное впечатление, так, казалось, искренне переживал кражу, что на него подумать было невозможно.

– Ты, Путилин, опытный сыщик. Ты отлично знаешь, что случаи создают воров. Иной сам по себе и не думал о воровстве, но прельстился вещью, плохо лежащей. Так было и на этот раз. Камердинер по каким-то делам уезжал в Париж, вернулся – в буфете дорогой сервиз лежит, никто им не пользуется. Вот он и соблазнился, довольно неумело подделался под кражу с улицы. Ты ведь сразу догадался, что украл кто-то из прислуги.

– Но куда камердинер дел сервиз? Ведь мы точно узнали, что ни один покупатель краденого сервиза не приобретал!

– Покойный оставил предсмертную записку, мне ее герцог любезно показал. Камердинер раскаялся в своем грехе, пишет, что ему и деньги-то были не нужны, что за бесценок продал уворованное англичанину Леону Бурку, остановившемуся в доме Штакельберга по Косому Дементьевскому переулку. Герцог тут же послал к англичанину полицейских из охраны, и тот без запирательств сервис вернул.

– Так у герцога теперь два сервиса? – простонал Путилин.

Галахов выдохнул:

– Наконец-то дошло до тебя! Я-то, Путилин, думал, что ты умный, а ты, право, совсем дурак. В том-то и загвоздка, что два одинаковых сервиса, зачем пугал покойного? А сегодня утром герцог рассказал об этом Николаю Павловичу. Что теперь о полиции государь будет думать?

– А он что, своими глазами видел оба сервиса?

– Пока нет! Герцог с супругой и советниками сейчас отбывают на охоту. Кстати, посла пригласил наследник- цесаревич.

Глаза Путилина хитро блеснули, он весело проговорил:

– Ваше превосходительство, посол ошибся. У него нет двух сервисов.

Умный Галахов погрозил перстом, но улыбнулся:

– Я тоже так думаю. Только смотр-ри, без скандала, работай чисто! Можешь идти!

Мимо окон канцелярии проследовала кавалькада – цесаревич с послом отбыли на охоту – на три дня.

Пришла пора вновь отличиться друзьям-полицейским.

Пир горой

Путилин объяснил ситуацию Шерстобитову. Тот хлопнул его по плечу:

– Я для тебя незаменимый друг! На Апраксином рынке у меня есть знакомец, который ливреи шьет для посольской прислуги. Фамилия у него Пьянов. Прекрасный такой человек, жизнерадостный. Айда к нему!

Явились к Пьянову в мастерскую. Тот обрадовался, зовет чай пить.

– У меня от воды голова кружится, – отвечает Шерстобитов. – Лучше ответь, Степан Алексеевич, когда у тебя день рождения?

– На день моего святого – Стефана, то бишь второго декабря.

– А можешь отпраздновать его загодя, скажем послезавтра?

Почесал Пьянов в потылице и хитро сощурился:

– Коли вашей милости так надо, то почему же не погулять? Со всем нашим удовольствием!

– Степан Алексеевич, только просьба к тебе товарищеская: пригласи к себе всех посольских, что у герцога Монтебелло служат. А гулянку устрой за наш счет, мы денег тебе дадим. Напои покрепче их.

– Мне ваше угощение без надобности, я сам в полной силе.

– Придут посольские к тебе?..

– Какой же нехристь не любит за счет русского погужеваться? Должны прийти.

В трактире Апраксина рынка был устроен «дипломатический» прием. Спустя много-много лет Путилин, чьи приключения гремели на всю Россию, рассказывал о давних событиях А.Ф. Кони:

– Задали мы такой бал, что небу жарко стало! Под утро всех пришлось развозить: французы-то совсем очумели, к себе домой попасть не могут, только

мычат. Иноземец, он ведь слабый: крепкое на них и действует. Ну-с, а часа в три ночи пришел Яша-вор. Вот человек-то был! Душа! Сердце золотое, незлобивый, услужливый, а уж насчет ловкости, так я другого такого не видывал. В остроге сидел бессменно, а от нас доверием пользовался в полной мере. Не теперешним вора́м чета был. Царство ему небесное!

Ну так вот, пришел Яша, мешок принес. Говорит:

– Извольте сосчитать, кажись, все!

Стали мы с Шерстобитовым считать: две ложки с вензелями лишних.

– А вот это, Яша, нехорошо! Чужое брать никогда не надо.

– Простите, не утерпел. Сами в руки попались.

...А на следующий день посол с охоты вернулся. Видит – сервиз один, а прислуга с перепоя зеленая, вместо дверей в косяк тычется.

Махнул герцог рукой, да и замолк об этом деле: «Россия!..»

Эпилог

Так закончилась история, начавшаяся со случайного эпизода – со встречи императором погребальной процессии. Сам Николай Павлович прожил недолго. Он умер в начале 1855 года, не дожив до своего шестидесятилетия. И был он фигурой гораздо более интересной и сложной, нежели нам порой представляли историки- марксисты.

В память его человеколюбивого поступка на Благовещенском мосту часовню все-таки соорудили. Изящная модель ее из яшмы и гранита до самого переворота в октябре 1917 года хранилась в Эрмитаже. Зато скульптурная группа, которую ваял профессор Пименов, так и не украсила съезд на Английскую набережную – Николай из скромности запретил.

Благодаря государю вдова Раутио сделалась известной всему Петербургу. С ней познакомился весьма почтенный и богатый купец Иван Антипов. По окончании вдовьего траура он отвел ее в церковь – под венец. Хотя купец был далеко не молод, но от этого брака появилось трое детей.

Сын Раутио стал военным. Всю жизнь он свято берег память о благодетеле, в медальоне носил миниатюрный портрет Николая. Раутио храбро сражался на Балканах, был награжден Георгием. Погиб он молодым – 31 августа 1877 года при третьем неудачном штурме Плевны.

Ювелирная фирма «Сазиков» в 1857 году получила почетное звание придворного поставщика. Знатоки по сей день восторгаются ее изделиями.

Иван Дмитриевич Путилин сделал карьеру – достиг высоких чинов, стал начальником сыскной полиции Петербурга. Жулье трепетало перед ним. Слава о нем гремела по всей России. Он был отчаянно храбр, неистощим на выдумки и умел остроумно распутывать самые сложные дела.

Под конец своей бурной жизни Иван Дмитриевич выпустил книгу воспоминаний. Порой, возвращаясь мыслями к ушедшей молодости, он улыбался:

– Веселые были времена! И нравы хорошие.

Марксист

Эта история кажется невероятной. Но о ней свидетельствуют документы. Это объемистое следственное дело, начатое 2 марта 1868 года полицией города Тамбова. Каллиграфическим почерком написанные протоколы судебно-врачебного осмотра тел семи человек, насильственно лишенных жизни, листы допросов и осмотра места происшествия и прочее. Дело прошито шнуром с приложением хорошо сохранившейся сургучной печати.

За дубовым столом

Ладная семья у купца первой гильдии Жемарина. Царит в ней благочестие, трудолюбие, достаток. Глава семьи и добытчик – сорокаоднолетний Иван Сергеевич, богатырского сложения человек с густой русой бородой в мелких кудряшках, с озорным блеском в глазах. Истинно былинный герой!

Под пару ему жена Марья Емельяновна – статная красавица, голубоглазая, улыбчивая, мать двоих прелестных мальчишек: восьмилетнего Александра и двенадцатилетнего Ивана.

Особое почтение к матери Жемарина – шестидесятилетней Варваре Силантьевне. Она распорядительна и щедра. Успевает и на кухне присмотреть, провизии заказать, и расшалившихся внуков приструнить, и убогих, по дорогам шатающихся, приютить, обогреть, накормить и слово доброе сказать.

Пьет такой странник чай с пряниками и рассказывает о жизни разных людей, империю населяющих, о чудесах, творимых ясновидящими, о целителях, о юродивых, о замечательных святых, просиявших на земле Российской.

Хозяин уходит по своим торговым делам спозаранку, потом Иван в гимназию спешит, так вот и получается, что всей семьей собираются Жемарины только на ужин.

Приезжает хозяин. Он набегался за весь день, покраснелся.

– Ох, аппетит нагулял я волчий! – кричит с порога. – Кого съесть первым?

– Меня, папонька, меня съешь, пожалуйста! – умоляет крошечный не по возрасту Александр.

Отец хватает его под мышки, вскидывает к высокому потолку, ловит сильными руками и прижимает к бороде.

– Ам-ам, Алексашку ем, горчицей закусываю!

Визжит Александр, хохочет, дом наполняется движением и шумом.

– Прекратите, – успокаивает их Марья Емельяновна. – Ты, Иван Сергеевич, балуешь Александра, а он опять задачу по арифметике решить не сумел. Витольд Людвигович им недоволен.

Отец укоризненно смотрит на сына:

– Александр Иванович, как же это ты оконфузился?

Сын, успевший забраться на плечи отца, целует его в макушку, тяжело вздыхает и соглашается:

– Оконфузился...

– После ужина приходи ко мне в кабинет, мы с тобой позанимаемся. Арифметика в нашем деле – вещь первостатейная. Я нарочно просил, чтобы с тобой серьезно науками математическими занимались.

Александр гладит маленькими розовыми ладошками обветренное отцовское лицо и просящим тоном пищит:

– Папонька, ведь ты обещал, что мы сегодня перед сном немного на кауrom покатаемся.

– Так и ты, Александр Иванович, обещал арифметикой исправно заниматься? А у тебя не получается. Пусть нас учитель твой рассудит. – Отец повернулся к юноше невысокого роста, с красивым чувственным лицом, увенчанным густой шапкой темно-русых волос, и с густыми бровями, сросшимися на переносице. Весь он какой-то собранный, напряженный, решительный. – Как ваше мнение, Витольд Людвигович, можем мы сегодня немного на санках покататься?

Вопрос этот характера дипломатического. Отец ждет, что восемнадцатилетний учитель ответит: «Хорошо, но пусть Александр обещает добросовестно заниматься арифметикой».

Но учащийся седьмого класса гимназии, наставлявший математике обоих детей купца, чуть подумав, взмахивает рукой и произносит железным тоном, словно приговор читает:

– На прошлой неделе мы уже прощали Александра, когда он в цирк ездил. Тогда он обещал усердно заниматься. Но свое обещание мой ученик тут же забыл. Опять моих объяснений не слушает, в окно галок во время уроков разглядывает. Считаю такое поведение недопустимым. Наказать Александра лишением прогулки на санях!

Все обескуражены.

Александр начинает плакать, прижимается к отцовской бороде:

– Пап, ты мне обещал! Нельзя детей обманывать, Господь накажет.

Отец улыбается, вздыхает, смотрит на учителя:

– Я беру на себя ответственность. Если Александр и впредь будет невнимательным на уроках, то пусть будет стыдно мне.

– Ура! – кричит на весь дом Александр. – Обещаю, папочка, я тебя очень-очень люблю. – И он прижимает губами к отцовскому лбу. – И вам, Витольд Людвигович, обещаю, галок рассматривать не буду, хоть они таки-е за-бав-ные...

Учитель строго смотрит на Ивана Сергеевича:

– Я решительно не одобряю! Наша уступчивость может развить мать всех пороков – лень.

Тот уже более сухим тоном, дающим понять, кто в доме настоящий хозяин, произносит:

– Хорошо, на эту тему рассуждать более не будем, – и, целуя в щеку подошедшую в этот момент жену, добавляет: – Марья Емельяновна, вас тоже приглашаем на санках покататься.

Жена заливается румянцем:

– Ну что ты, Вань, какие санки!

У нее заметен животик. В начале лета купеческое семейство ждет прибавления. Два сына есть, теперь молят Создателя о дочке.

Появляется дородная Варвара Силантьевна. Провозглашает:

– Милости просим к столу!

– И то, животы подвело! С мороза да устатку нагулял аппетит.

Все проходят в столовую, где под зеленым абажуром громадный дубовый стол ломится от всяческой еды.

Проза жизни

Чего тут только нет! Грибочки соленые, огурчики нежинские, мясо копченое – все это домашнего приготовления. Из деревянной мисочки жирный квадрат паюсной икры выглядывает. Селедка залом – толстоспинная, жиром нежным истекающая. Лососина малосольная, осетрина коренная, окорок розовый, толстенный шпик, язык заливной – душа радуется!

А еще будет борщ наваристый, суп с раками, индейка с сельдереем – растением летним, огородным, да в Тамбове парники отличные: круглый год укроп, огурцы, помидоры и прочие блага дают.

Варвара Силантьевна, великий знаток прибауток, поговорок и разных присловий, просит:

– Гости дорогие, не купленные – дармовые, ешьте- пейте, хозяйского хлеба не жалейте!

По обычаю этого хлебосольного дома, за стол садятся все. Кроме хозяев это могучий дворник Константин Георгиевич, за Севастопольскую кампанию крестом на грудь награжденный, но и раны многие за Отечество принявший. Затем послушница Вознесенского женского монастыря девица Евдокия Толмачева, приехавшая погостить на денек к Жемариным. С краю примостилась няня Авдотья Кулешова, еще помнившая времена императора Александра I и на руках которой выросла жена нынешнего главы семьи.

Возвышенные интересы

Вначале ели молча, сосредоточенно. Только старший сын купца, двенадцатилетний Иван, пытался за едой читать книгу, за что и получил от бабушки нагоняй, а басни Крылова были отобраны.

Потом разговорились. Отец поведал про дела торговые. У Жемариных, не шутка, пять больших магазинов в Тамбове. В них можно купить зимой и летом любую провизию – от живых карасей и окуней до телятины молочной и громадных арбузов астраханских.

– Привезли белугу свежую – отличный товар, думал хороший барыш получить. А Зотовы тоже, выяснилось, пудов триста получили, да чтоб мне дорогу перебежать, по десять рублей за пуд выставили. Разве это дело? Надо ведь промеж себя такие дела согласовывать, а не то чтобы взаимные убытки терпеть. Делать нечего, до девяти с полтиной за белугу скинул, так все ко мне и пошли. Только по пятьдесят копеек и заработок – разве это доход? Одно разорение.

Витольд Горский, заткнув большую накрахмаленную салфетку за ворот рубахи, с оттенком иронии произнес:

– Неужели вам, Иван Сергеевич, за день не надоели эти меркантильные делишки? Хоть бы сейчас поговорили о чем-нибудь возвышенном, скажем о музыке и литературе. Только и слышишь: барыши, товар, рубли, полтинники. Хоть бы детей своих постеснялись!

Трудом праведным

Иван Сергеевич, хотя и привык к словесным выходкам юного репетитора, на сей раз несколько опешил. Сам он был выходцем из крепостной семьи. Но ему повезло с барыней, генеральшей Зиминой.

Увидала она, что малолетний сынок кучера Сергея всячески к грамоте тянется, приказала приводить его по утрам к себе. Так Ваня, сидя возле генеральского сына, осваивал от его учителей всяческую науку. Весьма способным он оказался к математике. Когда к генеральше приезжали гости, она звала в гостиную

девятилетнего сына кучера.

Ваню ставили посреди комнаты и задавали арифметические задачки, которые тот должен был решать в уме.

– Ежели восемь да умножить на шестьдесят шесть – сколько будет?

Ваня моментально отвечал:

– Пятьсот двадцать восемь!

– А тридцать семь помножить на тридцать семь?

Мальчуган на несколько секунд наморщивал лоб, мучительно соображал и выдавал результат:

– Тысяча триста шестьдесят девять!

Гости по бумажке проверяли ответ и восхищались:

– Истинно Михайло Ломоносов!

Ученым Жемарин не стал, а пустила его барыня по торговой части. И не пожалела! Торговал Иван умело, счастливо, доходно. Скоро его лавка на торговой площади стала у тамбовцев посещаемой. Продукты здесь были всегда свежие, доброкачественные, а цены умеренные.

Вернул Иван барыне ее капитал, в дело вложенный, да еще с высоким процентом. А еще через два года выкупил себя и мать из крепостного состояния (отец помер годом раньше).

Тут же женился удачно. В жены взял купеческую дочку, в Тамбове первую красавицу, да притом мастерицу и рукодельницу.

Марья Емельяновна принесла с собой пуховую перину, сундук исподнего и верхнего платья, полпуда столового серебра да десять тысяч рублей. Иван тут

же открыл еще лавку. Барыши так и потекли в дом Жемариных.

Но Иван Сергеевич, богобоязненный человек, скромно говорил:

– Я тут ни при чем, вся сила от Господа, он о нас о всех печется. Коли мне дает, так я делиться обязан с другими.

И делился. Школу для бедных поставил. На Вознесенский монастырь жертвовал. Да и кормилась вокруг его дома прорва людишек всех возрастов, профессий и званий: плотников, копильщиков, барышников.

...Вот теперь Иван Сергеевич поднял глаза на юношу, который питался с его стола, получал за уроки двоим сыновьям чуть меньше учителя гимназии, кротко, но твердо ответил:

– Дозвольте мне, молодой человек, в своем доме говорить о чем мне захочется.

Горский хмыкнул и принялся за жареную курицу.

По рукам у него потек жир.

Великие идеи

Ежегодно Витольд Горский был отмечаем начальством гимназии похвальной грамотой или устной благодарностью. Учился он превосходно. Обладая цепкой памятью, изучал древних – Софокла, Платона, зачитывался утопистами. На его столе всегда можно было увидеть труды Мора, Бэкона, Кампанеллы.

Горский был много начитанней не только своих товарищей, но и некоторых гимназических учителей. В диспутах на философские и литературные темы Витольд чувствовал себя как рыба в воде. Его память удерживала сотни цитат, названий книг, исторических дат.

Голос Витольда никогда не повышался. На собеседников он глядел с нескрываемым презрением, но в словах и отзывах был сдержан.

Лишь изредка он срывался, спорил с Иваном Сергеевичем.

Особенно его взбесил разговор о том, что всякий из народа, кто честен и трудолюбив, будет жить если не в роскоши, то в достатке.

– Какой достаток? – вспыхнул Горский. – Дай Сидору или Прохору мешок с золотом, он все равно останется сидеть в навозе. Вы, Иван Сергеевич, исключение. Но даже своих детей вы учите не для того, чтобы они стали Моцартом, Шопеном или Мицкевичем, а для того, чтобы они могли ловчее других собратьев-купцов вести торговлю и иметь барышей больше ихнего.

– А что тут плохого? – искренне удивился Жемарин. – Конкуренция в любом деле идет только на пользу покупателю.

Горский в тонкую ниточку вытянул губы:

– Покупатель? Да вы плевали на него. Когда купец заграбастывает миллион, то этот миллион он забирает у трудящихся, то есть у этого несчастного потребителя. Вот вы передали пять тысяч Вознесенскому монастырю. Зачем?

– Как – зачем? Им ремонт колокольни надо делать, стало быть, требуется материал оплатить и мастеров...

– Вы, Иван Сергеевич, меня не поняли. Зачем этот монастырь вообще нужен?

– Как же, не нужен, что ли? – От неожиданности Жемарин чуть не задохнулся. – Я сам молиться туда езжу, там послушники и монахи спасаются.

Горский тихо, но четко произнес:

– Спасаются? Ну да, конечно. Они спасаются от общественно полезного труда. Кому нужно, что они поклоны перед иконами бьют? Никому от этого пользы не будет. Потому что Бога нет. Это давно знают все образованные люди. И ваши пять тысяч вы выбросили собаке под хвост.

– Да вы материалист... Даже хуже – нигилист!

Горский свысока посмотрел на купца:

– Да, я материалист и горжусь этим. Ни в иконы, ни в монастыри, ни в Бога я не верю. Верю лишь в Чистый Разум. И только. Извините, вы читали «Персидские письма» Монтескье? – Ехидная улыбка вновь заиграла на лице Горского. – Ах, я забыл, что вы не читаете такую «дрянь». Иначе вы поняли бы, насколько прогнил существующий строй со всеми его буржуазными предрассудками. Я мечтаю о строе социального равенства, свободы и справедливости. Только разум должен править миром. Социализм, и ничто другое, приведет нас к этому.

Жемарин покачал головой:

– Вы можете иметь любые понятия. Это ваше личное дело. Только я попрошу моим детям не втолковывать ваши «передовые» идеи. Вы обещаете мне?

Горский хмыкнул:

– Вполне! Когда они вырастут, они, возможно, сами поймут заблуждения их отцов и дедов. Они раздадут ваши богатства людям и станут честными тружениками. А если не поймут великих идей, то и эти нечестные богатства у них отнимут другие и поровну разделят между всеми трудящимися.

Желая миром закончить этот странный и наивный спор, Иван Сергеевич улыбнулся:

– Буду молить Бога, чтобы ваши идеи поскорее улетучились.

Он все-таки ценил начитанность Горского и его математические знания, поэтому терпел тот вздор, какой нес молодой человек.

К тому же Иван Сергеевич жалел его отца, пожилого человека, у которого на родине – то ли в Петербурге, то ли в Варшаве – случились какие-то неприятности – он работал прежде бухгалтером. По этой причине Горский-старший был вынужден бежать в Тамбов.

Здесь с ним познакомился Жемарин и пригласил помогать в составлении квартальных и годовых отчетов. Через отца в дом к купцу попал и его сын.

Уроки социализма

Несмотря на эрудицию Горского, товарищи его не любили и никто не дружил с ним.

Впрочем, Витольд, вопреки естественной потребности в дружбе, свойственной юношескому возрасту, и сам держался особняком. Окружающих он презирал: бедных – за бедность, богатых – за богатство, а всех вместе – за их удовлетворенность существующими порядками в обществе. И вообще за то, что они живут на свете. Ненависть эта была скорее физиологической, нежели политической.

За неделю до описываемых событий Горский зашел к своему знакомому Ноговикову. Знакомый куда-то отлучился на минутку, а гость заметил пятиствольный револьвер, лежащий на подоконнике.

«Шикарная игрушка! – обрадовался Горский. – Мне такая пригодится».

Он взял револьвер в руки, повертел – тот был заряжен. Услыхав шаги возвращающегося в комнату Ноговикова, он быстро сунул оружие в карман.

Надо заметить, что Витольд преподавал математику еще и сыну городского архитектора Мейснера. В тот день, придя к нему в дом, он увидел на столе стакан, в котором лежали патроны.

«Надо же! – приятно удивился Горский. – И впрямь: на ловца и зверь бежит. Пули, кажется, как раз подходящего калибра».

Он ссыпал содержимое стакана в карман и как ни в чем не бывало стал дожидаться своего ученика, который пошел за аспидной доской.

Когда тот явился, Горский спросил одиннадцатилетнего мальчугана:

– Скажи, Мейснер, если бы у какого-нибудь мальчишки оказалось столько игрушек, что он не только поиграть во все не успевает, но у него не хватает времени даже притронуться к ним, так если бы у этого мальчишки забрали бы некоторые из этих игрушек и раздали трудя... то есть нуждающимся в них, это

было бы справедливо?

Мальчуган вытаращил глаза и, плохо понимая, что ему говорит учитель, согласно кивнул:

– Ну да...

– Молодец, Мейснер! – хлопнул его по плечу Горский. – Из тебя вырастет настоящий борец за социальную справедливость.

Пуля в стене

Едва Горский вернулся домой, как раздался стук в дверь.

На пороге стоял сосед-слесарь Петр Алексеев со своим сыном Николаем.

– Вот, сделал, – прохрипел вечно пребывавший в подпитии слесарь. Он протянул тяжелую металлическую болванку. – Как обещали, барин, полтинник с вас.

Эта болванка, похожая формой на кофейный пестик, возникла из старинного массивного безмена, который утром Горский отдал в работу слесарю. Когда Горский остался один, он несколько раз, словно пробуя руку, тяжело ухнул болванкой по постельной подушке.

– Всякое серьезное дело требует основательной подготовки, – самодовольно заключил Горский. – Пусть в гордом одиночестве я буду бороться за социальную справедливость. У Жемарина, высасывающего кровь из трудящихся, тысячи и тысячи рублей. А я, особа куда более одаренная природой, не имею в наличии сущих грошей, чтобы съездить хотя б на две недели в Ниццу.

Походив по комнате, помахав болванкой, он отправился на кухню. Это было просторное помещение в тридцать квадратных аршин.

Поставив в углу гладильную доску, Горский поднял заряженный револьвер и выстрелил. Пуля насквозь пробила дерево и застряла в стене.

– Прекрасно, Печорин! – воскликнул Горский, сам себя называвший этим именем и восторгавшийся этим персонажем. – Я стану героем нашего времени. Вперед, на борьбу с классовой несправедливостью! Да поможет мне Вельзевул!

Страшный замысел

В тот февральский вечер 1868 года, когда Горский вкушал от вкусного стола Жемарина и проявлял неуместную в связи с задуманным педагогическую принципиальность, он был полностью готов перейти к решительным действиям. Орудия убийства уже несколько дней Горский таскал с собой: револьвер в кармане, а болванку в портфеле.

Гимназист оставался совершенно спокоен. Сердце бешено не колотилось, кровь не ударяла в голову, рука не дрожала.

Горский наблюдал за собой как бы со стороны и оставался от собственной холодности в полном восхищении. «Это оттого, – говорил он сам себе, – что меня ведет благородная идея».

Идея гимназиста была так проста, что о ней можно сказать в нескольких словах. Первое: следовало уничтожить всю, буквально всю семью Жемариных. Второе: перебить прислугу и всех свидетелей. Третье: забрать как можно больше добра из дома купца-эксплуататора, чтобы до конца жизни обеспечить себя.

Когда Жемарин-старший с детьми отправился на прогулку, Горский хотел остаться в доме. За время их отсутствия он был намерен убить всех домочадцев.

То же ожидало бы возвратившихся после катания.

Но Иван Сергеевич, желая доставить удовольствие сыну бедного бухгалтера, настойчиво пригласил:

– Витольд Людвигович, поедемте покатаемся! И потом домчим вас до дому.

* * *

Горский вздохнул и согласился.

«В этом есть социальная справедливость, – подумал он. – Эксплуататор доставляет удовольствие поработавшему капиталу. Да и я, как меч правосудия, допущу гуманный поступок: пусть напоследок папаша покатается со своими отпрысками. – И возбуждающая радость мысль зашевелилась в его черепной коробке: – Вот вы, все трое, завтра станете трупами! Вы, которые за гроши мучили меня, талантливого человека, унижали подачками с вашего хозяйского стола, вы все ляжете в могилу. Ваши черепа будут раздроблены, сердца пробиты пулями».

Вдруг он очнулся, его за руку теребил Александр:

– Садитесь рядом со мной, Витольд Людвигович! Здесь мягче и подушка под спиной теплая.

«Скоро ляжешь еще мягче. Будут юродивые причитать: „Пусть земля тебе, мученик, будет пухом!“» И он расхохотался так дико, что Иван Сергеевич удивленно посмотрел на гимназиста:

– Что с вами?

Потом они поехали вечерними улицами древнего города. В ясном морозном воздухе, на беспредельной высоте, горели звезды. Пара, словно ветер, неслась вперед, коренник дробил крупной рысью, пристяжная метала из-под копыт снежные комья... Хороша ты, жизнь!

Вот уж точно: жизнь дает Господь, а отнимает всякая мразь!

Первая кровь

На следующий день произошло то, что заставило назвать гимназиста Горского Мясником.

Итак, 1 марта Витольд Людвигович, как обычно, пришел в дом Жемарина в четыре часа пополудни. Два часа он занимался с мальчиками.

В начале седьмого все сели за чай.

– Батюшка, – сказала няня, – так мы с кучером нынче и отвезем твою посылочку в монастырь?

Речь шла о подарках купца настоятельнице Воскресенского монастыря для раздачи насельницам. Во дворе сани уже были нагружены всякого рода товарами: рисом персидским очищенным, несколькими головами сахара, дюжиной бутылок фруктового сиропа, лежало фунтов десять чая цветочного, шоколад «Санте», мешок гречневой крупы.

– Не поздно ли нынче? – засомневался Иван Сергеевич.

– Благое дело завсегда ко времени, – резонно возразила старушка. – Да и езды тут – рукой подать.

– Тогда, мои золотые, с Богом, – напутствовал купец. – Да, чуть не запомнил, я привез для сестер полдюжины арбузов да два десятка апельсинов. Стоят в мешках, кучер мой в сени занес. Пусть разговоятся. Да поклон мой скажите сестрам.

Сани уехали. Вскоре по делам ушел и сам хозяин.

...Горский вновь вернулся в учебный зал, продолжил занятия со старшим сыном Жемариных Иваном. Тот выполнял задание учителя – решал тригонометрическую задачу.

«Пора!» – решил Горский. Он наклонился к своему портфелю, стоявшему на полу возле стола, медленно достал болванку, поднялся во весь рост и с размаху стукнул ребенка по темечку.

«Только бы успеть перехватить тело, прежде чем оно грохнется на паркет!» – все время думал Горский.

Но мальчик не упал. Он завалился вперед, и алая сильная струя крови залила аспидную доску и стол.

«Сколько крови! – удивился Горский. – Итак, счет я открыл – первый! – с чувством странного удовлетворения подумал он. – Самое главное – ловить их по одному. А как ловить? Сачком – как бабочек? Куда я дел сачок?»

Вдруг он с ужасом ощутил, что его рассудок, остававшийся холодным до начала дела, помутился, лопнул, расплылся. Он никак не мог сосредоточиться на одной мысли, понять, что теперь следует делать.

Все закрутилось перед Горским. Из-под стола вылезла какая-то морда с рожками. «Кто это? – удивился гимназист. И тут же сообразил: – Это младший сын Жемариных – Александр. Он маску рождественскую надел. Вот как хорошо. Сейчас я его!»

Он стукнул по рогатой голове болванкой. Но голова стала хохотать и плевать кровью в Горского.

Все пошло кругом, Горский зашатался. Он хотел облокотиться на стол, но его рука уперлась во что-то сырое и скользкое. Это была голова Ивана, который от толчка рухнул на пол.

И тут же произошло как бы прояснение сознания.

Горский схватил Ивана под мышки и оттащил в кабинет Ивана Сергеевича. Едва он бросил мальчика на пол, как тот начал слабо стонать.

«Ну живучий! – удивился Горский. – Если бы я тебе не помог, ты, глядишь, лет сто коптил бы небо. А теперь прямиком к ангелам!»

Он почти бегом отправился за болванкой, которую бросил возле стола. Подняв ее, он вошел в кабинет и три раза ударил по голове мальчика. Тот перестал стонать.

Второй труп

– Да, теперь начинается самое серьезное! – Верный давней привычке разговаривать сам с собой, он и сейчас говорил вслух. – Кто следующий? Желательно их собирать кучнее, а не разбрасывать по всем комнатам. И сколько

осталось их в доме? Один, два, три... семь человек. Я должен их превратить в трупы, пока не вернулись другие. Тогда я легко разделаюсь с возвращающимися.

Насвистывая что-то веселенькое, он пошел по коридору. Из кухни раздавались голоса, смех.

Горский заглянул в щель приоткрытой двери. Увидел троих: дворника Константина, кухарку Прасковью и Варвару Силантьевну. Последняя что-то оживленно рассказывала.

«Прекрасно, остановлю свой выбор на этой милой старушке!» – решил Горский и всунул голову в дверной проем:

– Варвара Силантьевна, пойдете скорее, у Ванюшки кровь идет... носом.

– Ах ты господи! – перекрестилась женщина. – Почто такая напасть? Ну пошли, пошли, друг ты мой сердечный.

Горский пропустил Варвару Силантьевну вперед. Едва та раскрыла дверь зала, как он нажал курок, приставив револьвер к затылку женщины.

Жертва грохнулась на пол.

– Вторая! – улыбнулся Горский. – В кухне не должно быть ни одного трупа. Иначе купчиха, вернувшись домой, сразу все увидит. Итак, господа, кто следующий?

Туфля на снегу

Горский вновь вошел на кухню.

Дворник Константин приветливо сказал:

– Иди, Витольд, попей с нами чайку. Как раз заварился. Калачи горячие! А то ты совсем умучился, лица на тебе нет.

Злоба закипела в груди Горского.

– Я давно терплю ваше амикошонство. Почему вы смеее называть меня на «ты» и пренебрегать моим отчеством?

Дворник удивился, добродушно произнес:

– Ну что ты злобишься? Ведь я тебе в отцы гожусь. Я Лёв Николаича Толстого на «ты» называл, а он поважнее тебя будет. Садись, мой хороший, попей чайку. Хошь с медом, хошь с малиновым вареньем. Ты пей, как говаривал Лёв Николаич, а вода сама дырочку найдет.

Горский с ненавистью посмотрел на Константина:

– В данный момент у меня есть дела посерьезнее чая. Идите, – он кивнул дворнику, – вас зовет Варвара Силантьевна.

– Зачем я вдруг понадобился? – удивился дворник и поспешил в зал.

Не успел он перешагнуть порог зала, как Горский повторил старый прием: выстрелил ему в затылок.

Его мозги разлетелись и забрызгали руки Горского. Он брезгливо вытерся портьерой и стал оттаскивать трупы от дверей.

Вдруг с кухни донесся крик Прасковьи:

– Что это у вас так сильно стукнулось?!

– Это ничего, – успокоил ее Горский, высунув голову в коридор. – Это я споткнулся.

Кухарка озорно расхохоталась:

– Тогда ладно! А то я думала, что с неба упал мешок с дерьмом.

«Смейся, прислужница капитала, – с яростью подумал Горский. – Последний раз ощеряешься!»

С револьвером в руке он вошел на кухню.

Кухарка беззаботно напевала: «Та весна далеко, те завяли цветы...»

Вдруг она увидела наведенное на себя дуло револьвера. С криком ужаса она бросилась к сеним. Грянул выстрел. Пуля вошла в плечо.

Прасковья успела отбросить крючок и толкнула обитую черной кожей наружную дверь.

Горский теперь стрелял прицельно, метил в голову. Он дернул курок, пуля ранила шею. Брызнула обильная кровь.

Прасковья успела выскочить во двор. От улицы его отделял высокий сплошной забор. Кухарка слетела со ступенек, упала в снег.

Горский подскочил, размахнулся рукоятью револьвера.

– Не на-адо! – Прасковья вытянула руки.

Он оглоушил ее и, сопротивляющуюся, потащил к дому.

Диву даешься, откуда в этом тщедушном теле взялось вдруг столько силы: Горский сумел-таки втащить упирающуюся, истекающую кровью Прасковью в сени. Схватив дубовое полено, он стал с остервенением бить девушку по голове.

– Уф. – Он выпрямился, тяжело вздохнул.

В угаре дьявольского бешенства Горский совсем забыл, что где-то в доме есть еще один человек – крошка Александр.

И вот теперь он вдруг затылком ощутил на себе взгляд – это был младший сын Жемариных.

– Вот ты где, гаденыш! – заорал Горский. Тем же окровавленным поленом, которым только сейчас он убивал Прасковью, студент размозил мальчику череп.

Тяжело дыша, вынув из брючного кармана патроны, он стал перезаряжать револьвер. Потом отправился в зал, оттащил от дверей трупы.

Час роковой

Станный рой мыслей вдруг посетил Горского.

«Для чего все это я затеял? – думалось ему. – Разве я не мог наперед рассчитать, что все эти смерти окажутся напрасными? Я наберу себе денег и прочих богатств из этого дома, и никто не подумает на меня, никто не догадается, что все это сделано моими руками? Весь город станет показывать на меня пальцами: вот идет убийца! Зачем, зачем я это сделал?»

Но, посидев еще минуту-другую, он вдруг стал успокаивать себя: «Нет, я все сделал правильно, потому как цели мои – политические. Буржуазию надо истреблять физически! Я, быть может, жертвую своей жизнью ради счастья всех трудящихся».

И ему опять стало все понятно, и наступило облегчение.

Внизу заскрипел снег, раздался голос кучера.

Горский подскочил к окну.

Возле парадного входа, который, по обычаю, был закрыт, стояла Марья Емельяновна. Она была в дорогой меховой шубе, и лицо ее светилось радостью.

Вместе с хозяйкой приехала горничная. Они повернули за угол, прошли через калитку во двор.

К окну на торцевой стороне бросился и Горский, прильнул лбом к стеклу.

Женщины с удивлением разглядывали кровавые пятна на снегу. Потом Жемарина позвонила.

Горский сбежал вниз, отбросил крючок. Руку с револьвером он спрятал за спину.

– Что за кровь возле порога? – спросила хозяйка.

– Это ничего, – успокоил ее Горский. – Проходите.

Он заметил, что горничная вновь вернулась к саням.

«Видимо, забыла что-то взять, – с удовольствием подумал Горский. – Очень к месту это! Но в моем распоряжении мало времени».

Едва Жемарина взялась за ручку двери, ведущей в чайную комнату, он выстрелил – опять в затылок. Хозяйка повалилась на бок.

– Прекрасно! – вскрикнул Горский, опять приходя в возбужденное состояние. – Я сейчас перестрелял бы, кажется, весь свет. Чу-дес-но!

В сенях уже топталась, отряхивая снег с белых сапожек, горничная.

Горский, не таясь, навел на нее револьвер.

Та расхохоталась:

– Ну и шалун вы, Витольд Людвигович!

Горничной очень нравился этот молодой человек, которого она почитала самым умным и красивым на свете.

Горский нажал на курок. Выстрела не последовало.

Горничная продолжала хохотать.

Убийцу это привело в бешенство.

– Что ты хохочешь?! – заорал он на нее. – Твой последний час пришел, а ты, дура, хохочешь!

Он еще раз нажал на курок: что-то сломалось, заело.

Тогда Горский схватил полено обеими руками и хватил им девушку по голове. Та повалилась ничком на пол.

– Вот, семь трупов! – подвел итог Горский. – Борьба за социальную справедливость началась.

Он сбегал к соседу-слесарю. Тот отрегулировал ему револьвер.

После этого, зарядив весь барабан, Горский вновь вернулся к дому. Возле крыльца стояли кучер и няня.

– Погляди, милый, сколько тут крови! – сказала няня. – Нет ли тут какого убийства?

«Надо покончить с ними, – вяло подумал Горский. – Впрочем, что это даст? Семь трупов или девять? До социализма еще далеко. Я добр, пусть живут эти трудовые люди».

– Думаю, следует заявить в полицию! – сказал он.

– Вот и мы так думали!

Старики поспешили в полицию, а убийца поплелся домой. Он очень захотел после всего случившегося спать.

Похмелье

В ту же ночь Горского арестовали. Спустя два месяца это дело разбиралось в Тамбове временным военным судом. Несколько тысяч горожан собрались возле здания, где решалась судьба одного из самых страшных преступников

Российской империи.

Иван Сергеевич во время допроса определенно показал:

– Убийца был напичкан политическими идеями. Они и толкнули его на преступление.

Но громкие политические процессы были впереди. Россию еще ожидали кровавые деяния тех, кто сотрясал ее основы.

Прокурор Неелов политической подоплеки в деле не нашел, но обнаружил в голове подсудимого полную кашу.

– Конечно, – сказал он в обвинительной речи, – очень удивительно, что, перебив семь человек, убийца не берет в доме ни рубля. Это лишь ярко свидетельствует о его полном пренебрежении чужой жизнью, об отсутствии столь естественного для восемнадцатилетнего мальчика чувства жалости и сострадания к ближнему. Это удивительно. И это – факт! Боюсь, что это предзнаменование рождения новых людей, точнее – вырождающихся человеческой породы.

Увы, прокурор Неелов оказался провидцем. Уже нарождались тысячи тех, кто спокойно станет заливать великую Россию кровью своих собратьев.

Защитника Горского можно было только пожалеть: ему почти нечего было сказать в оправдание своего подопечного.

Сам Горский вел себя неискренне и если раскаивался в убийстве, то только потому, что «плохо его продумал» и попался.

Суд вынес вердикт: «Подсудимого из дворян Витольда Людвиговича Горского, восемнадцати лет, по лишении всех прав состояния казнить смертью через повешение».

Эпилог

Горский все-таки в тот раз остался жить.

Шестого июня того же 1868 года государь император повелел: «Означенный приговор временного военного суда привести в исполнение с тем, чтобы присужденную Горскому смертную казнь заменить каторжной работой в рудниках без срока...»

Отработав в рудниках три с половиной года, Горский был переведен на должность писаря. Позже служил счетоводом.

В 1894 году на престол вступил Николай Александрович. Объявили амнистию. Горский был освобожден. Ему шел сорок пятый год.

В Тамбов не поехал, а двинулся к морю, поселился в Одессе. Затем перебрался в Ковно. Здесь на какой-то вечеринке познакомился с Яцеком – начитанным и темпераментным двадцатилетним человеком, которого мир узнает после октября 1917 года как Феликса Дзержинского.

К этому времени Горский был активным членом социал-демократической партии, затем примкнул к эсерам.

Товарищи по борьбе его уважали за принципиальность и беспощадность к эксплуататорам. По фальшивому паспорту перебрался в Петербург. И тут выяснилось, что этот «идейный борец» уже несколько лет активно сотрудничает с охранкой.

...Тело убийцы-партийца было найдено в одном из дворов Ново-Измайловского проспекта. Между лопаток торчала рукоять ножа.

Виновных в убийстве не обнаружили.

В те годы на земле Российской, по козням дьявольским, стало и впрямь появляться немало выроdkов. Позже они дорвались до власти.

Красотки-убийцы

Девятого ноября 1869 года в багажное отделение Николаевского вокзала в Москве поступил увесистый груз – большой кованый сундук. Он прибыл из Петербурга пассажирским поездом 111. Прошло несколько дней, но его никто не забирал. Из сундука шел тяжкий запах. Служители багажного отделения заявили в полицию. Когда сбили навесной замок и откинули крышку, присутствующим предстала жуткая картина. В сундук был втиснут труп раздетого мужчины. Тело было сильно тронутو разложением. Наружные покровы стали синюшно-зеленого цвета с хорошо выраженной венозной сетью. Кожа на руках отслаивалась. Лицо вздулось, особенно губы, веки, уши...

Случившемуся предшествовали некоторые любопытные события.

Полезные советы

Член Государственного совета, действительный тайный советник и статс-секретарь барон Модест Александрович Корф был человеком исключительным. Поглаживая лысеющий череп указательным пальцем правой руки, украшенным громадным бриллиантовым перстнем, он любил повторять своим подчиненным:

– О службе вы должны думать всего лишь в трех случаях: находясь на ней, в семейном кругу и во время сна. Не более!

Очевидцы утверждают, что однажды он произнес сей афоризм в присутствии самого Александра II.

Император не сдержался. Он порывисто обнял барона и произнес:

– Если бы так думали все мои подданные, то государство наше процветало еще более.

Помощник статс-секретаря Николай Христианович фон Зон каллиграфически вывел на листе бумаги прекрасные слова своего начальника-барона и повесил бумагу у себя над столом.

Корф милостиво не возражал. И при этом добавил:

– В лицее среди прочих моих сотоварищей находился и будущий сочинитель Пушкин. Это был ветреный и дерзкий с начальством человек. Мне не было и девятнадцати лет, как я начал ревностно служить в Комиссии по составлению законов. Сочинитель же за свои вольнодумства (это слово барон произносил с отвращением) отправился в Бессарабию. Я достиг высших ступеней карьеры, а судьба легкомысленного Пушкина весьма печальна. Пусть сей дурной пример пойдет вам в назидание. Будьте усердны в службе и уважительны к начальству, и тогда ваша жизненная стезя проляжет благоуспешно. Так-с!

Фон Зон был усерден и уважителен. В делах требователен к себе и подчиненным. Он не допускал никаких отклонений в служебной линии, держался с достоинством, старательно исполнял возложенные на него поручения.

Когда в 1864 году барон высочайшим соизволением был переведен на пост председателя Департамента законов, он взял на новое место и фон Зона, увеличив его годовое содержание сразу на шестьсот рублей.

Казалось, дурной пример покойного поэта и полезные советы замечательного государственного мужа пошли на пользу, за карьеру старательного чиновника можно было быть спокойным, но...

Насколько фон Зон был тверд в делах служебных, насколько был отличным и веселым товарищем в жизни светской, настолько он проявлял неудержимую ретивость в делах амурных. Невоздержанность к прекрасному полу радовала сердце, но наносила ущерб карману и увеличивала суетность жизни. Весной 1866 года, находясь на Марциальных Водах, фон Зон обольстил восемнадцатилетнюю генеральскую дочь. Дело дошло до ее превосходительного папеньки. Начался скандал, узнал об этом беспутстве и барон. В трехдневный срок любитель женской красоты был выведен на половинный пенсион.

Барон (скоро ему предстояло стать графом), сделав скорбную мину, заложив руки за спину, молвил:

– Я отрешаю вас, сударь, от службы ради вашего блага и блага других моих подчиненных. Пусть каждый видит: порок должен быть наказуем. Мне лишь остается скорбеть, что мои советы не коснулись вашего сердца. Жаль!

Единственная промашка перечеркнула плоды многолетних усилий.

Восемнадцать копеек

Долго бродил по великолепному Петербургу несчастный чиновник. Наконец он пересек Калинкин мост, побрел вдоль набережной Фонтанки, миновал Екатерининский канал и дернул за ручку звонка углового дома по Большой Садовой.

Это был дом, доставшийся по наследству его супруге Елизавете Леонидовне, урожденной Зуровой.

– Господи, что мы будем делать? – У фон Зона на глаза навернулись слезы.

Жена, уже отбушевавшая, тихо гладила его по голове и всячески утешала. Про себя же отставной чиновник думал: «Моих четырех тысяч пенсионных хватит лишь на миндаль к шампанскому!»

Фон Зон пытался устроиться через знакомых на какую-нибудь должность, приличествующую его положению. Но везде получал решительный отказ: об истории ловеласа столица была наслышана, и с могущественным бароном никто не хотел портить отношений. Фон Зону предлагали раза два ничтожные места, но не мог же надворный советник идти на должность почитчика!

Менять образ жизни фон Зон тоже не мог и не хотел. По этой причине вскоре за семнадцать тысяч ушли фамильные бриллианты. Еще спустя полгода был заложен, а затем и перезаложен дом с громадным участком.

Затем уволили дорогого повара-итальянца. Вместо него взяли кухарку Варвару. Заложили без малого полтора пуда столового серебра. Продали роскошную летнюю коляску.

Деньги таяли, словно весенний тонкий снег под лучами жаркого солнца.

Пришел срок платить по закладной за дом.

Глядя в окно на пристань, что находилась прямо против дома на Фонтанке, фон Зон горько вздыхал:

– Утоплюсь, и все мои печали уйдут со мной на дно...

– Мон шер, прежде потопления выкупи дом. Твои дочери остались без приданого. Сыну-студенту надо тоже помогать.

– У меня осталось восемнадцать копеек...

– Отправляйся в Москву к своей тетке Остен-Сакен. Она в тебе души не чает. Возьми в долг.

– Уволь, это выше моих сил! Мне честь дороже.

– Невелика честь, коли нечего есть! Ох, нашла я себе сокровище...

Начиналась очередная семейная баталия, в которой, как известно, победителей никогда не бывает – только потерпевшие.

Наконец, ввиду безвыходности положения, фон Зон отправился в Москву.

Ученица императора

Семидесятилетняя вдова-генеральша графиня Остен-Сакен любила племянника за легкий нрав, за уважительность, за умение часами слушать ее бесконечные воспоминания о днях «золотых, безвозвратных». Вот и теперь, когда фон Зон без предупреждения явился к тетушке в дом на Козиху, что в приходе Святого Ермолая, она обрадовалась. Увидав племянника, графиня обняла его, звонко чмокнула, стала с интересом расспрашивать:

– Что это ты, душа моя, учудил? Любовь – дело занятное, по себе знаю. Но когда лезешь под юбку, подумай, как бы не оконфузиться потом! Неловко у тебя получилось... А ты, душа моя, оскорбил самого генерала Рейнера, близкого к высшим кругам! Ну да ладно! Ты остановился где, нет? Тогда располагайся у меня, развея мое старушечье одиночество.

Графиня позвонила и приказала тут же вошедшей горничной:

– Феня, принеси чай! И скажи, чтобы ужин не задержали. Пусть накроют в доме.

И обратилась к племяннику:

– Во дворе что-то свежо стало!

Громадный дом был наполнен множеством вещей – мебелью, зеркалами, картинами. Но во всем царило некое запустение.

– После смерти моего генерала я не устраиваю приемов, – объяснила графиня. – Так, редко-редко заглянет кто из старинных друзей, я и рада. А родственнички, поди, ждут моей смерти? – Графиня весело рассмеялась. – Знаю я их, хотят чужое добро делить! Но я их разочарую: буду жить ровно девяносто девять лет. Всех переживу! – И она опять громко расхохоталась.

Миловидная горничная внесла чай. Фон Зон игриво подмигнул ей. Девушка стыдливо покраснела. Тетушка с неудовольствием сказала:

– Какой ты беспокойный, душа моя!

Чай пили в беседке. Было сухо, тепло, солнечно. Мохнатые шмели жужжали над вазочками с вареньем. В ликерную рюмку тетушки упала мушка. Среди покрытых осенним золотом деревьев выделялся сказочным великолепием барский дом. Сладко пахло хвоей. Весело гомонили не улетевшие еще на юг птицы.

Закончив с чаем, тетушка раскурила пахитоску.

– Мой лекарь все пристает: «Надо, дескать, оставить сию вредную привычку!» А я ему в ответ: «Этой вредной привычке меня выучил император Николай Павлович, с ней я и умру!» Мало у меня осталось удовольствий, зачем же я буду их сокращать?

– А правда, тетушка, что Николай Павлович весьма интересовался вами?

Графиня выпустила дым и с явным удовольствием предалась воспоминаниям:

– Чудный был кавалер – внимательный, галантный. Единственный недостаток имел: все торопился. Дело прошлое, моя душа, могу теперь признаться: бывало, поцелует да заспешит, засуетится. «Нам, скажет, хорошо в сетях амура, а империя страждет от разных недугов. Меня Михаил Михайлович ждет...»

– Кто такой?

– Ну, душа моя, ты скучен нынче. Это их величество о графе Сперанском выразился. Тот руководил Вторым отделением Государственного совета. Как же ты забыл?

Прибежала горничная, доложила:

– Ужин, как приказано, накрыт в столовой!

Осиротевшая усадьба

Почти неделю прожил фон Зон у богатой тетушки. Графиня пила кофе, курила, остроумно злословила, вспоминала славные времена ушедшей николаевской эпохи, рассказала несколько остроумных анекдотов про «старого друга» семьи баснописца Крылова. Говорили о перемещениях в сферах высшей власти и о нашумевшей книжной новинке – «Войне и мире» графа Льва Толстого.

Отставной надворный советник так и не решился просить у графини в долг. То ли стыд, то ли тайное предчувствие не позволяли ему сделать это. К тому же тетушка обещала выхлопотать любвеобильному племяннику теплое местечко в Петербурге.

Но хлопотать ей уже не пришлось: вскоре после отъезда фон Зона домой тетушку неожиданно-негаданно разбил паралич. Племянник наезжал в Москву три раза. Он навещал бедную графиню, которую искренне любил. Та недвижно лежала в спальне. Тоскливо-разумным взором она смотрела на фон Зона, а из уст вырывалось лишь несвязное мычание.

В середине октября 1869-го в дом на набережной Фонтанки пришла скорбная весть: графиня Остен-Сакен скончалась.

Продав фрак и золотой перстень, фон Зон купил за пятьдесят рублей билеты на всю семью и вторым классом пассажирского поезда отправился в старую столицу.

Судьба играет человеком

Тетушка или, точнее, то, что прежде было графиней Остен-Сакен, блиставшей на великосветских балах, танцевавшей с царями, лежала в богато украшенном гробу. Гроб стоял в просторной гостиной первого этажа, на том самом громоздком дубовом столе, за которым фон Зон совсем недавно обедал с тетушкой.

К собственному стыду, фон Зон ловил себя на мысли, что больше, чем смертью графини, озабочен другим: выделила ли ему покойная часть наследства. А если выделила, то сколько?

А еще он был озабочен тем, в должной ли степени скорбен его лик, что подумают о нем те многочисленные родственники, знакомые и просто зеваки, забившие гостиную, смежные комнаты и весь просторный дом.

Многие подходили к фон Зону и, напуская на себя приличную случаю скорбную маску, выражали ему особое сочувствие, которое обычно принято высказывать лишь самому близкому к усопшему человеку.

И это было неспроста: многие почему-то считали, что именно отставной надворный советник станет обладателем капиталов богатой графини.

Покойная глубоко утонула в подстилке гроба. Блики четырех стоявших в изголовье свечей играли на ее желтом лице с глубоко ввалившимися глазными яблоками. Зализанные на висках и лбу волосы свились в серые кружочки.

Фон Зон подошел к столу, поцеловал венчик на лбу. Горький комок подкатил к горлу фон Зона. Он не удержался, его лицо облилось слезами.

...На другой день после похорон графини в родовой усыпальнице Ваганьковского кладбища, после обильных поминок, после раздачи милостыни толпе нищих, задавивших насмерть какую-то старуху-побирушку, нотариус городской части Безобразов, сытый, гладкий мужчина в поношенном фраке, пригласил близких для оглашения завещания усопшей.

Почти каждый из собравшихся мог рассчитывать на некоторую часть имущества бездетной и богатой графини. Однако воля усопшей ввергла всех в уныние и даже раздражение. Всех, кроме фон Зона. После того как Безобразов сломал сургучную печать на завещании и ровным, чуть веселым голосом огласил, что четверть своего состояния графиня Остен-Сакен отказала сиротским приютам, а все остальное имущество: ценные бумаги и наличные деньги, родовое имение в Тульской губернии и двухэтажный каменный дом в Москве на Козихе – все это отходило к отставному надворному советнику Николаю Христиановичу фон Зону.

Так вчерашний бедняк стал в мгновение ока богатейшим человеком, обладателем состояния в несколько сотен тысяч рублей.

Жизнь веселая

Ночь фон Зоны провели теперь уже в собственном доме на Козихе. Николаю Христиановичу порой казалось, что столь резкая перемена судьбы ему лишь пригрезилась. Он был вне себя от счастья. Печаль от смерти тетушки как рукой сняло.

В банке фон Зону выдали краткосрочную ссуду – десять тысяч рублей.

На другой день он поспешил с вечерним семичасовым курьерским поездом отправить свою фамилию на место постоянного проживания – в Петербург.

Целуя жену и детей на платформе Николаевского вокзала, он радостно воскликнул:

– Пусть лопнут теперь от зависти все мои недоброжелатели. И первый – Модест Корф! – Он смешно передразнил старика: – «О службе вы должны думать во время сна!» Вот пусть и думает его лысая башка!

Супруга не смогла сдержать улыбку.

Раздался третий звонок. Фон Зон выскочил из вагона, некоторое время шел у окна и посылал воздушные поцелуи.

Поезд дернулся и, набирая ход, двинулся в сторону Северной столицы. Владелец капитала направился в сторону противоположную. Душа властно требовала загула.

Всю ночь веселился отставной надворный советник в «Эрмитаже». Он заказывал немыслимые блюда, притащил в зал кучера и под хохот посетителей приказал налить для лошадей ведро шампанского (которое пить те не стали, но выдули до дна сами кучера), засовывал цыганкам из хора в потные лифы смятые сторублевки, держал на коленях какую-то Нюру и клялся, что женится на ней. Было еще много забавного, но наследник больше ничего не запомнил.

Очнулся он у себя на Козихе. Страшно болела голова, и стыдно было встречаться глазами с прислугой. Впрочем, испив огуречного рассола, ближе к обеду он пришел в себя и приласкал горничную Феню.

Та начала плакать.

Барин рассердился и выгнал ее из покоев. Но скоро отошел сердцем, опять позвал горничную и подарил ей пять рублей.

– Прекрасная, однако, жизнь! – сказал самому себе фон Зон. – Особенно когда деньжата есть.

Через неделю он вернулся в Петербург. Жене объявил:

– Следует сдать внаем этот дом и перебраться в Москву. Там жизнь и дешевле, и веселей. Да и дочерей скорее пристроим за хороших женихов.

Жена не возражала.

– Как раз к Рождеству и переедем! – заключил разговор фон Зон. – А пока следует нанять управляющего, пусть срочно займется ремонтом усадьбы в

Козихинском переулке.

Стали готовиться к отъезду.

Красивая жизнь продолжалась.

Прекрасная незнакомка

Жизнь отставного надворного советника стала сплошным праздником. Не жалея ни денег, ни здоровья, он закатывал кутежи в ресторанах, поил друзей и незнакомых.

– Какой ты прекрасный человек, фон Зон! – говорили приятели. – Богатство тебя нисколько не испортило.

– И не испортит! – куражно соглашался тот. – Эй, человек, еще шампанского! Полдюжины, меньше не приемлем!

Седьмого ноября 1869 года фон Зон нанял извозчика и направился в Благородное собрание. Недолго покутив там с друзьями, он в восьмом часу вечера решил навестить заболевшего сослуживца по Департаменту законов.

При выходе из собрания фон Зон едва не столкнулся с юным существом провинциального вида.

– Пардон, мадам! – Он галантно приподнял шляпу. – Простите мою неловкость.

Барышня смущенно улыбнулась.

Фон Зон после шампанского всегда становился с прекрасным полом особенно храбрым. Со всем жаром сердца он предложил:

– Если позволите, я с превеликим удовольствием отвезу вас куда прикажете. Мой экипаж в вашем распоряжении.

Девушка еще раз улыбнулась, на этот раз менее робко. Ее темные глаза заискивающе смотрели на фон Зона. Она проговорила:

– Если вы хотите, отвезите меня в «Эльдорадо». Там меня братец дожидаются.

– С превеликим удовольствием!

Извозчик хрипло гикнул:

– Э-эй, шалая, пошла! Ух, я тебя! По-осторонись!

По дороге фон Зон гладил руку, а затем целовал шейку новой знакомой и вообще проявлял все более возраставшую смелость. Та хихикала и слабо сопротивлялась.

Когда извозчик остановился возле «Эльдорадо», фон Зон пребывал уже во вполне раскаленном состоянии.

– Поехали со мной в номера, – сделал предложение совсем осмелевший ухажер. – Я тебе десять, нет, двадцать рублей подарю. – Потряс пухлым бумажником. – Я тебя люблю!

Девушка согласно пожала ему руку и быстро произнесла:

– Я не такая, как вы думаете. Но вы мне, дяденька, очень нравитесь. Ждите, я сейчас к вам вернусь!

«Эльдорадо»

Оставшийся в экипаже фон Зон нетерпеливо стучал перчатками по колену и соображал, в какие номера лучше отправиться. Скоро вернулась юная очаровательница и шепнула:

– Меня братец не пускает с незнакомым человеком. Вы познакомьтесь с ним, он добрый, глядишь, и отпустит!

Фон Зон был в нерешительности. Знакомство с «братцем» не входило в его планы. Но девушка дернула его за рукав пальто и требовательно сказала:

– Ну что же вы, дяденька?

Он отпустил извозчика и прошел в широкие дубовые двери ресторана. Здесь собиралась разношерстная публика. Вопреки полицейскому запрету, в кабинетах шла азартная игра. Воздух был прокурен. Зал набит битком.

Швейцар принял дорогое английское пальто гостя. Услужливый метрдотель подвел его к столику, где можно было сесть двоим.

– Тебя как зовут? – обратился фон Зон к спутнице.

– Еленой Дмитриевой кличут.

– Стало быть, Алена. Красивое имя! А меня зови Николаем Христиановичем. Будем теперь дружить. Ты не пожалеешь, Алена!

Вскоре к их столику подошел молодой человек в тужурке, которые обычно надевали рабочие по праздничным дням.

– Это мой братец, – кивнула на него Алена. – А это Николай Христианович.

Невысокий, тщедушный человек с приподнятым правым плечом протянул влажную ладонь, представился:

– Максим Иванов!

– Ради приятного знакомства следует выпить! – предложил фон Зон.

Мужчины выпили водки, а девица шартрезу. Старавшийся казаться развязным, Максим с налетом важности произнес:

– Вижу, что вы человек благородный. Однако моя сестрица по своей юной неопытности имеет к вам сильные чувства. А ей, между прочим, негоже

находиться в таком месте, как «Эльдорадо».

– Я готов пригласить...

– Извиняйте, но это нетактично. Мы приглашаем вас к себе. – Как и Алена, молодой человек говорил с провинциальным произношением.

– Весьма рад! Официант, получи, – и фон Зон швырнул, не считая, деньги, – и вызови какой-нибудь экипаж. Мы едем, так сказать, знакомиться.

Все двинулись к выходу. Фон Зон ступал весьма нетвердо: нынче было выпито с излишком.

Дом разврата

Опустившись на сиденье экипажа, фон Зон тут же крепко уснул. Пробудился он, лишь когда его спускали по небольшой, но крутой лестнице какого-то дома.

Его провели в довольно просторную комнату, уставленную мебелью в пыльных чехлах, фикусами и геранью. В углу, возле обшарпанного пианино, стояла толстая пальма в кадке. Окна были плотно зашторены цветастыми занавесками. В комнате было несколько девиц и юношей. Все с интересом разглядывали гостя – слишком не вязался его аристократический вид с убогой обстановкой.

Гостя усадили за стол. Его тут же окружили девицы. Одна гладила ему щеку, другая поцеловала в макушку, третья подливала вина.

Но фон Зон вдруг проявил потрясающее постоянство. Он обвел взором помещение и твердо сказал:

– Кыш, гетеры! Я люблю лишь Алену. Где она?

– Братец не может доверить вам ее невинность.

– Что такое? Где Максим?

Явился Максим, прогнал девиц, сел рядом с гостем и строго сказал:

– Моя сестра Елена – девственница. Но если вы готовы возместить нравственный ущерб... совсем задаром... пятьдесят рублей.

– Готов!

– Вы у нее первый. Поздравляю! Давайте отметим событие. – И Максим протянул ему металлическую рюмку с вином.

Фон Зон едва пригубил напиток, как с отвращением поставил рюмку на стол:

– Что здесь за дрянь? Вы, любезный, желаете меня отравить? Да за такие проделки – Сибирь... Я уйду от вас. Вы – обманщик.

Фон Зон едва приподнялся из-за стола, но его облепили девицы, стали щекотать, дергать, тормозить.

Но он вырвался из их объятий, нашел в передней пальто и, не поддаваясь на уговоры Максима, вышел из дома. Кругом царил ночной мрак. Извозчика нигде не было видно. Фон Зон пригляделся к табличке одного из домов, разобрал, чиркнув спичкой: «Спасский пер., Адмиралтейской части».

– Эк меня занесло! – проговорил он вслух и направился в сторону набережной Фонтанки, вышел на Сенную площадь.

Вдруг его осенила мысль: «На месте ли портмоне?» Он стал шарить по карманам – портмоне нигде не было. «Вот жулье! У меня там тысячи полторы, не меньше! Следует вернуться? Нет, лучше поеду домой. Вон, кстати, извозчик!»

Фон Зон не успел окликнуть его, как на площадь выскочил человек, в котором он тотчас узнал Максима Иванова, замахавшего руками:

– Николай Христианович, вы забыли портмоне! Алена хочет вам вернуть его лично. Вы ушли, а она все время плачет... Вернемся лишь на минутку, а потом проводим вас.

Фон Зону стало стыдно за свои плохие мысли об этих людях. Он с чувством пожал Максиму руку и сказал:

– Согласен! Пошли к Алене.

Когда они подходили к дому, им навстречу поспешил молодой человек, с которым фон Зон познакомился в доме Максима и который запомнился ему своим спокойным приятным лицом. Александр Иванов, как он представился, взволнованно произнес:

– Николай Христианович, вот ваше портмоне... Уходите, уже поздний час.

Фон Зон возразил:

– Благодарю, но я очень желаю видеть Алену.

Максим зло ответил Александру:

– Не лезь не в свое дело! Пошли к Алене...

Фон Зон шагнул на лестницу, ведущую в полуподвальное помещение. Ему оставалось жить всего несколько минут.

Эпилог

На следующее утро госпожа фон Зон, урожденная Зурова, заявила в полицию, что ее муж не ночевал дома. Начались розыски. Но они ничего не дали. Отставной надворный советник как в воду канул.

Лишь спустя полтора месяца 20 декабря в сыскную полицию Петербурга пришел двадцатилетний ремесленник Александр Иванов. Он заявил:

– В ночь на восьмое ноября в моем присутствии был убит господин по фамилии фон Зон. Это в доме Тура по Спасскому переулку, в квартире моего однофамильца – мещанина Максима Иванова. Последний уже полгода содержал что-то вроде притона. С этой целью у него на квартире постоянно жили девицы

Елена Дмитриева, Дарья Турбина и Александра Авдеева. Иванов давно задумал травить клиентов, приходивших к этим барышням. Он произвел опыты на кошках и собаках, подсыпал им в пищу раствор ляписа и синеродистого калия. Первым человеком, которого Иванов с Еленой Дмитриевой отравили, был фон Зон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lavrov_valentin/krovavaya-plaha

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)